

В. П.
АВЕНАРИУС

БИРОНОВЩИНА

Василий Петрович Авенариус Бироновщина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2778655

Аннотация

«Обмѣнявъ корону герцогини курляндской на всероссійскій царскій вѣнецъ, императрица Анна Іоанновна первые два года своего царствованія провела въ Москвѣ. 16 января 1732 года совершился торжественный вѣздъ ея въ Петербургъ, гдѣ она и оставалась уже затѣмъ до самой кончины. Но питая еще, должно быть, не совсѣмъ пріязненныя чувства къ памяти своего Великаго дяди, взявшаго въ свои мощныя руки управленіе Россіей еще при жизни ея отца, а его старшаго, но хилаго брата, она не пожелала жить въ построенномъ Петромъ, на углу Зимней канавки и Милліонной, дворцѣ (въ настоящее время Императорскій Эрмитажъ) и предоставила его придворнымъ музыкантамъ и служителямъ; для себя же предпочла подаренный юному императору Петру II адмираломъ графомъ Апраксинымъ домъ по сосѣдству на берегу Невы (почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній Зимній дворецъ) и, значительно его расширивъ, назвала „Новымъ Зимнимъ дворцомъ“...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Часть I	4
I. Гоффрейлина и деревенская простота	4
II. Неожиданная встрѣча	14
III. Мечтанія принцессы	25
IV. Прощай, мечты!	31
V. На смарку	39
VI. Секретарь де-сіянсь Академіи на службѣ и на Олимпѣ	49
VII. Прогулка по Лѣтнему саду	64
VIII. Анна Іоанновна въ домашнемъ быту	73
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Василий Петрович Авенариус Бироновщина

Часть I

I. Гофfreyлина и деревенская простота

Обмѣнявъ корону герцогини курляндской на всероссійскій царскій вѣнецъ, императрица Анна Іоанновна первые два года своего царствованія провела въ Москвѣ. 16 января 1732 года совершился торжественный въѣздъ ея въ Петербургъ, гдѣ она и оставалась уже затѣмъ до самой кончины. Но питая еще, должно быть, не совсѣмъ пріязненныя чувства къ памяти своего Великаго дяди, взявшаго въ свои мощныя руки управленіе Россіей еще при жизни ея отца, а его старшаго, но хилаго брата, она не пожелала жить въ построенномъ Петромъ, на углу Зимней канавки и Милліонной, дворцѣ (въ настоящее время Императорскій Эрмитажъ) и предоставила его придворнымъ музыкантамъ и служителямъ; для се-

бя же предпочла подаренный юному императору Петру II адмираломъ графомъ Апраксинымъ домъ по сосѣдству на берегу Невы (почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній Зимній дворецъ) и, значительно его расширивъ, назвала «Новымъ Зимнимъ дворцомъ».

Не любила Анна Іоанновна и Петергофа, этой лѣтней резиденціи Петра I, гдѣ, кромѣ большого каменнаго дворца съ обширнымъ паркомъ и фонтанами, имѣлись къ ея услугамъ еще два деревенскихъ домика въ голландскомъ вкусѣ: Марли и Монплезиръ. Унаслѣдовавъ отъ своего дѣда, царя Алексѣя Михайловича, страсть къ охотничьей потѣхѣ, она ѣздила въ Петергофъ только осенью, чтобы охотиться, для чего въ тамошнемъ звѣринцѣ содержались всегда "аурокусы" (зубры), медвѣди, кабаны, олени, дикія козы и зайцы.

Для лѣтняго пребыванія Императорскаго Двора въ Петербургѣ хотя и имѣлся уже (существующій и понынѣ) петровский Лѣтній дворецъ въ Лѣтнемъ саду, на берегу Фонтанки, но по своимъ не большимъ размѣрамъ и простой обстановкѣ онъ не отвѣчалъ уже требованіямъ новаго Двора; а потому тамъ же, въ Лѣтнемъ саду, но лицомъ на Неву, былъ возведенъ "новый Лѣтній дворецъ", настолько обширный, что въ немъ могли быть отведены особыя помѣщенія еще и для любимой племянницы государыни, принцессы мекленбургской Анны Леопольдовны, а также и для всесильнаго герцога Бирона.

Однимъ іюньскимъ утромъ 1739 года весь новый Лѣтній

дворецъ былъ уже на ногахъ, а задернутыя оконныя занавѣ-
си въ опочивальняхъ принцессы Анны и ея гофfreyлины,
баронессы Юліаны Менгденъ, все еще не раздвигались: вѣдь
и той, и другой было всего двадцать лѣтъ, а въ такіе годы
утромъ дремлетъ такъ сладко!

Но вотъ каменные часы въ пріемной баронессы проби-
ли половину девятаго. Нежившаяся еще въ постели, Юліана
нехотя протянула руку къ колокольчику на ночномъ столикѣ
и позвонила камеристкѣ Мартѣ, помогавшей ей одѣваться, а
затѣмъ убиравшей ей и голову. Четверть часа спустя моло-
дая фрейлина сидѣла передъ туалетнымъ зеркаломъ въ пу-
дермантелѣ съ распущенными волосами, а Марта расчесы-
вала ихъ опытною рукой.

Родомъ Марта была эстонка изъ крѣпостныхъ. Вынян-
чивъ маленькую баронессу въ родовомъ имѣніи Менгдено-
въ въ Лифляндіи, она, вмѣстѣ съ нею, переселилась и въ Пе-
тербургъ, когда, по смерти Юліаны, родной его братъ, прези-
дентъ петербургской коммерцъ-коллегіи, баронъ Карль-Лю-
двигъ Менгденъ, выписалъ къ себѣ племянницу для ожив-
ленія своего дома. Когда же затѣмъ Юліана, расцвѣтшая гор-
дой красавицей, была пожалована въ гофfreyлины прин-
цессы, — вмѣстѣ съ нею во дворецъ попала и ея вѣрная Марта.
По привилегіи прежней няни, Марта и теперь еще позволяла
себѣ въ разговорѣ съ своей госпожой касаться сокровенныхъ
ея тайнъ.

— Экая вѣдь краса! говорила она на родномъ своемъ

языкъ, любовно проводя черепаховымъ, въ золотой оправѣ, гребнемъ по пышнымъ темнорусымъ волосамъ баронессы, — Вотъ бы увидѣть хоть разъ меньшому Шувалову, — совсѣмъ бы, поди, голову потерять.

— Не называй мнѣ его, не называй! — прервала ее на томъ же языкѣ Юліана, и нѣжный румянецъ ея щекъ заалѣлъ ярче.

— Да почему не называть? — не унималась старая болтунья. — Слава Богу, кавалеръ изъ себя пригожій и ловкій, камеръ-юнкеръ цесаревны Елисаветы, пойдетъ, навѣрно, еще далеко...

— Пока онъ на сторонѣ цесаревны, — ему нѣтъ ходу.

— Такъ почему бы тебѣ, мой свѣтъ, не переманить его на свою сторону?

— Да онъ и не нашей лютеранской вѣры, а православный...

— Попросить бы государыню, такъ, можетъ, ему и разрѣшать перейти въ лютеранство.

— Такъ вотъ онъ самъ и перейдетъ!

— Да этакому шалому мужчинѣ все ни почемъ. При твоей красотѣ да при твоёмъ умѣнїи обходиться съ этими вѣтрогонами...

— Замолчи, замолчи!

— Я-то, пожалуй, замолчу, да сердца своего тебѣ не замолчать... Никакъ стучатся?

Легкій стукъ въ дверь повторился. Камеристка пошла къ двери и, прїотворивъ ее, стала съ кѣмъ-то шептаться.

— Ну, что тамъ, Марта? — спросила нетерпѣливо ея моло-

дая госпожа. — Что имъ нужно?

Марта притворила опять дверь и доложила, что говорила съ пажемъ; прибыла, вишь, изъ деревни сестрица покойной младшей фрейлины, баронессы Дези Врангель.

— Можетъ подождать! — произнесла Юліана, насупивъ брови.

— Но вызвана-то барышня вѣдь, кажись, по желанію самой принцессы?

— Гмъ... А гдѣ она? Внизу у швейцара?

— Нѣтъ, тутъ же въ гостиной. Не лучше ли тебѣ ее все-таки принять?

— Хорошо; пускай войдетъ.

Въ комнату вошла робкими шагами дѣвочка-подростокъ того переходнаго возраста, когда неуклюжая отроковица въ какой-нибудь годъ времени превращается въ граціозную молодую дѣвушку. Простенькое траурное платье, сшитое, очевидно, деревенской мастерицей, было не въ мѣру коротко, а соломенная шляпка съ черными же лентами была стараго фасона и сильно поношена. Въ довершеніе всего дѣвочка сдѣлала такой уморительный книксенъ, не зная, куда дѣтъ свои длинныя руки, что не по годамъ степенная и холодная гоффрейлина не могла удержаться отъ легкой улыбки.

— Добраго утра, дитя мое, — сказала она ей по-нѣмецки и указала глазами на ближній стулъ: — садись. Я, какъ видишь, не совсѣмъ еще одѣта; но мы будемъ видѣться съ тобой теперь запросто всякій день, а потому стѣсняться мнѣ передъ

тобой было бы глупо.

– Еще бы не глупо, – согласилась дѣвочка, присаживаясь на кончикъ стула; но, замѣтивъ, что улыбка исчезла вдругъ съ лица фрейлины, она поспѣшила извиниться: – Простите! Вѣрно я не такъ выразилась?

– Да, моя милая, при Дворѣ каждое свое слова надо сперва обдумать.

– Но увѣряю васъ, мнѣ и въ голову не приходило, что вы глупы...

– Вотъ опять! Если кто и выражается о себѣ рѣзко, то не для того, чтобы другіе повторяли.

– Сглупила, значить, я? Ну, не сердитесь! Вѣдь я же не нарочно...

Въ своемъ наивномъ раскаяніи дѣвочка такъ умильно сложила на колѣняхъ свои большія красныя руки, – что строгія черты Юліаны опять смягчились.

– Твое имя вѣдь, кажется, Елизавета?

– Да; но дома меня звали всегда Лилли.

– Такъ и я буду пока называть тебя этимъ именемъ. Ты лицомъ мнѣ напоминаешь покойную Дези; но она была, конечно, красивѣе тебя. Ты ничуть не заботишься о своей кожѣ; только начало лѣта, а ты вонъ какая – совсѣмъ цыганка! Вѣрно, въ деревнѣ ходила безъ зонтика?

Лилли разсмѣялась.

– Potztausend! Да покажись я къ коровамъ съ зонтикомъ, онъ мнѣ въ лицо бы фыркнули!

– Такія выраженія, какъ "potztfusend!" и "фыркать" ты навсегда должна оставить. Здѣсь ты, благодаря Бога, не въ коровникѣ. Да ты сама, чего добраго, и коровъ доила?

Лилли вспыхнула и не безъ гордости вскинула свою хорошенькую головку.

– Доить я умѣю, умѣю бить и масло, потому что какъ же не знать того дѣла, которое тебѣ поручено? Я вела въ деревнѣ у моихъ родственниковъ все молочное хозяйство. Стыдиться этого, кажется, нечего.

– Стыдиться нечего, но и хвалиться нечѣмъ: баронессѣ такая работа, во всякомъ случаѣ, не пристала.

– Да какая я баронесса! Чтобы поддержать свое баронство надо быть богатымъ. Есть и богатые Врангели; но мы изъ бѣдной линіи; отецъ мой управлялъ только чужимъ имѣніемъ.

– Чѣмъ это?

– А Шуваловыхъ въ Тамбовской губерніи. Когда отецъ умеръ, насъ съ Дези взяли къ себѣ родные въ Лифляндію.

– Тоже Врангели?

– Да, но изъ богатыхъ. Смотрѣли у нихъ за молочнымъ хозяйствомъ мы сперва вмѣстѣ съ Дези... Ахъ, бѣдная, бѣдная Дези!

При воспоминаніи о покойной сестрѣ глаза Лилли увлажнились.

– Да, жаль ее, жаль, – сочла нужнымъ выказать свое сочувствіе Юліана. – Говорила я ей, чтобы не ходила она къ боль-

ному ребенку тафель-деккера, что не наше это вовсе дѣло. Нѣтъ, не послушалась, заразилась сама оспой, и уже на утро четвертаго или пятаго дня ее нашли мертвой въ постели.

— Значить, ночью при ней никого даже не было! — воскликнула дѣвочка, и углы рта у нея задержало.

— Лечилъ ее придворный докторъ, онъ же давалъ всѣ предписанія, и намъ съ тобой критиковать его заднимъ числомъ не приходится.

— Да я говорю не о докторѣ, а о другихъ...

Фрейлина насупилась и сама тоже покраснѣла.

— О какихъ другихъ? Если ты говоришь обо мнѣ...

— Ахъ, нѣтъ! Простите еще разъ! Но я такъ любила Дези, и здѣсь, въ Петербурга, у меня нѣтъ теперь больше никого, никого!

— А я, по твоему, никто? По волѣ принцессы, тебѣ отведена комната тутъ рядомъ съ моею, чтобы я могла подготовить тебя для Высочайшаго Двора. Въ душѣ грустить тебѣ не возбраняется, но догадываться о твоей грусти никто не долженъ; понимаешь?

— Понимаю...

— Ты, можетъ быть, не слышала также, что государыня въ послѣднее время много хвораетъ? Сказать между нами, она страшно боится смерти. Поэтому она не можетъ видѣть ни печальныхъ лицъ, ни траурныхъ платьевъ. У тебя, надѣюсь, есть и нарядныя свѣтлыя?

— Есть одно бѣлое кисейное, которое мнѣ сдѣлали на кон-

фирмацію.

– Стало быть, недавно?

– На Вербной недѣль.

– И длиннѣе, надѣюсь, этого?

– О, да. Кромѣ того, въ немъ оставлена еще и складка, чтобъ можно было выпустить.

– Прекрасно; посмотримъ. А перчатки у тебя есть?

– Только дорожные вязанные; но пальцы въ нихъ прорваны...

Губы Юліаны скосились досадливой усмѣшкой.

– Я, пожалуй, одолжу тебѣ пару свѣжихъ лайковыхъ.

– Да на что въ комнатахъ перчатки?

– А что же, ты съ такими гусиными лапами и пойдешь представляться принцессѣ?

Лилли смущенно взглянула на свои "гусиные лапы" и спрятала ихъ за спину, а незабудковые глазки ея расширились отъ испуга.

– Ахъ, Богъ ты мой! И какъ я стану говорить съ принцессой?

– Сама ты только, смотри, не заговаривай; отвѣчай коротко на вопросы: "да, ваше высочество", "нѣтъ, ваше высочество".

– Я завяжу себѣ языкъ узломъ... Или этакъ тоже не говорится?

Гоффрейлина возвела очи горѣ: будетъ ей еще возня съ этой "Einfalt vom Lande" (деревенской простотой)!

– Реверансы у тебя тоже совсѣмъ еще не выходятъ. Вотъ посмотри, какъ ихъ дѣлають.

И, вставъ со стула, Юліана сдѣлала такой образцовый реверансъ, что у Лилли сердце въ груди упало.

– Нѣтъ, этому я никогда не научусь!

– При желаніи всему въ жизни можно научиться. Ну?

II. Неожиданная встрѣча

За нѣсколько минутъ до десяти часовъ баронесса Юліана повела Лилли къ принцессѣ. Дѣвочка была теперь въ своемъ бѣломъ «конfirmaціонномъ» платьѣ, съ цвѣтной ленточкой въ косичкѣ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ. При приближеніи ихъ къ покоямъ Анны Леопольдовны, стоявшій у входа въ пріемную ливрейный скороходъ въ шляпѣ съ плюмажемъ размахнулъ передъ ними дверь на-отлетъ. Въ пріемной ихъ встрѣтилъ молоденькій камерпажъ и на вопросъ гофfreyлины: не входилъ ли уже кто къ ея высочеству? — отвѣчалъ, что раньше десяти часовъ ея высочество никого вѣдь изъ постороннихъ не принимаетъ.

— Это-то я знаю; но бываютъ и исключенія, — свысока замѣтила ему Юліана; послѣ чего отнеслась къ Лилли: — я войду сперва одна, чтобы доложить о тебѣ принцессѣ.

Лилли осталась въ пріемной, вдвоемъ съ камерпажемъ. Тотъ, не желая, видно, стѣснять дѣвочку, а можетъ быть и самъ ея стѣсняясь, удалился въ глубину комнаты; доставъ изъ карманчика камзола крошечный напилочекъ, онъ занялся художественной отдѣлкой своихъ ногтей. Лилли же въ своемъ душевномъ смятеніи отошла къ окну, выходившему на Неву. Хотя глаза ея и видѣли протекавшую внизу величественную рѣку съ кораблями, барками, лодками и плотами, но мысли ея летѣли вслѣдъ за гофfreyлиной, докладывав-

шей только что объ ней принцессѣ.

"Что-то она говорить ей про меня? Какъ я сама понравлюсь принцессѣ? Сдѣлають ли меня также фрейлиной, или нѣтъ? Да и сумѣла ли бы я быть придворной фрейлиной? Вотъ испытаніе!" ...

Она закусила нижнюю губу, чтобы не дать воли своему малодушію; но сердце у нея все-же продолжало то замирать, то сильнѣ биться.

Тутъ за выходною дверью раздались спорящіе голоса. Спрятавъ свой напилочекъ, пажъ съ дѣловой миной направился къ выходу и выглянулъ за дверь.

— Что тутъ за шумъ?

— Да вотъ, ваше благородіе, — слышался отвѣтъ скорохода, — человекъ Петра Иваныча Шувалова хочетъ безпремѣнно видѣть баронессу.

— А это что у тебя?

— Конфеты-съ, — отозвался другой голосъ.

— Такъ я, пожалуй, передамъ.

— Господинъ мой, простите, велѣлъ передать въ собственные руки: не будетъ ли, можетъ, какого отвѣта. Гдѣ прикажете обождать?

— Пожалуй, хоть здѣсь въ пріемной, — снизошелъ камерпажъ: — баронесса сейчасъ должна выйти.

Лилли оглянулась на вошедшаго. То былъ молодой ливрейный слуга съ коробкой съ конфетами въ рукахъ. Она хотѣла уже отвернуться опять къ окошку, но молодчикъ изда-

ли поклонился ей, и въ этомъ его движеніи ей припомнилось что-то такое давно знакомое, да и глаза его были устремлены на нее съ такимъ изумленіемъ, что сама она вглядѣлась въ него внимательнѣе и вскрикнула:

— Гриша!

Молодчикъ съ новымъ поклономъ приблизился уже прямо къ ней.

— Вы ли это, Лилли?... Лизавета Романовна... — поправился онъ. — Какими судьбами?...

Все лицо его сіяло такою сердечною радостью, что и сама она ему свѣтло улыбнулась.

— Хоть одинъ-то человѣкъ изъ своихъ! — сказала она и покосилась на камерпажа.

Но тотъ деликатно отретировался снова въ свой дальній уголь, гдѣ занялся прежнимъ важнымъ дѣломъ, не показывая вида, что слушаетъ. На всякій случай она все-таки заговорила тише:

— А я тебя, Гриша, съ перваго взгляда даже не узнала... Или тебя зовутъ теперь уже не Гришей, а Григоріемъ?

— Григоріемъ, а чаще того Самсоновымъ.

— Отчего не Самсономъ? Ты такой вѣдь великанъ сталъ, и усы какіе отростилъ!

— Усища! — усмехнулся, краснѣя, Самсоновъ и ущипнулъ пальцами темный пушокъ, пробивавшійся у него надъ верхнею губой. — Не нынче-завтра сбрить придется! — прибавилъ онъ со вздохомъ.

– Что такъ?

– А такъ, что при господахъ моихъ, Шуваловыхъ, я вторымъ камердинеромъ состою, камердинерамъ же, какъ и самимъ господамъ, усовъ не полагается. Но вы-то, Лизавета Романовна, за три года какъ выровнялись! Совсѣмъ тоже придворной фрейлиной стали: въ лайковыхъ перчаткахъ...

– А ты думаешь, онѣ мои собственныя? Фрейлина Менгденъ, спасибо, одолжила. Съ трудомъ вѣдь застегнула: руки у меня куда толще, чѣмъ у ней.

Для наглядности дѣвочка растопырила всѣ десять пальцевъ; но отъ этого одна пуговица отскочила.

– Вотъ бѣда-то! А у меня тутъ ни иголки, ни нитки...

– Такъ вы бы вовсе ихъ сняли, коли вамъ въ нихъ неспособно.

– Ну да! Мнѣ и то порядкомъ уже досталось отъ фрейлины за то, что лапы у меня красныя, какъ у гусыни, что загорѣла я, какъ цыганка.

– Здѣсь, въ Питерѣ, вы живо поблѣднѣете, похудѣете. Зато будете водить знакомство съ высокими особами, ходить въ шелкахъ-бархатахъ, кушать всякій день мармеладъ да пастилу, да шалей (желе)... А все же таки въ деревнѣ, я такъ разсуждаю, вамъ жилось вольготнѣй?..

– Ужъ не говори! А помнишь, Гриша, какъ мы скакали съ тобой верхомъ безъ сѣдла черезъ канавы да плетни? То-то весело было!

– Здѣсь зато вы можете ѣздить и зимой, хоть каждый день,

мелкой рысцой или курць-галопомъ въ манежѣ.

— Въ манежѣ? Нѣтъ, все это не то, не то! Ach du liber Gott!

— Что это вы, Лизавета Романовна, ахаете по-нѣмецки? Словно нѣмка.

— А кто же я, по твоему?

— Какая ужъ вы нѣмка, Господь съ вами! Родились въ Тамбовской губерніи, говорите по-русски, какъ дай Богъ всякому, будете жить здѣсь при русскомъ Дворѣ. Покойный вашъ батюшка (царство Небесное!) тоже былъ вѣдь куда больше русскій, чѣмъ нѣмецъ.

— Это-то правда. Онъ не разъ, бывало, говорилъ намъ съ сестрой, что мы — вѣрноподданные русской царицы, а потому должны считать себя русскими. При крещеніи ему дали имя Рейнгольдъ, но называлъ онъ себя также по-русски Романъ.

— Извольте видѣть! Такъ и вы, Лизавета Романовна, смотрите, не забывайте ужъ никогда завѣта родительскаго. Вы будете здѣсь вѣдь въ нѣмецкомъ лагерѣ.

— Развѣ при здѣшнемъ Дворѣ разные лагеря?

— А то какъ же: нѣмецкій и русскій. Мои господа, Шува-ловы, — въ русскомъ, потому что оба — камеръ-юнкерами цесаревны Елисаветы Петровны.

— Но вѣдь сама-то государыня — настоящая русская, и принцесса Анна Леопольдовна теперь тоже, кажется, уже православная?

— Православная и точно такъ же, какъ сама государыня, въ дѣлѣ душевнаго спасенія и преданіяхъ церковныхъ крѣпка.

– Такъ что же ты говоришь?

– Да вѣдь государыню выдали замужъ за покойнаго герцога курляндскаго, когда ей было всего на-все семнадцать лѣтъ. Тогда-жъ она и овдовѣла, но оставалась править Курляндіей еще цѣлыхъ двадцать лѣтъ, доколѣ ее не призвали къ намъ на царство. Тутъ-то вмѣстѣ съ нею нахлынули къ намъ эти нѣмцы...

– Откуда, Гриша, ты все это знаешь?

– То ли я еще знаю! Вѣдь у господъ моихъ промежъ себя да съ пріятелями только и разговору, что про придворное житье-бытье. А я слушаю да на усь себѣ мотаю.

– На свое усище? – усмѣхнулась Лилли. – Но нѣмцы, какъ хочешь, – народъ честный, аккуратный...

– Это точно-съ; отъ нѣмцевъ у насъ на Руси все же больше порядку. Да бѣда-то въ томъ (Самсоновъ опасливо оглядѣлся), бѣда въ томъ-съ, не въ проносъ молвить, что власть надъ ними забралъ непомѣрную этотъ временщикъ герцогъ...

– Биронъ?

– Онъ самый. А ужъ намъ, русскимъ людямъ, отъ него просто житья не стало; въ лютости съ русскими никакихъ границъ себѣ не знаетъ. Только пикни, – мигомъ спровадить туда, куда воронъ костей не заносилъ.

– Кое-что и я объ этомъ слышала. Да мало ли что болтають? Если государыня дала ему такую власть, то вѣрно онъ человѣкъ очень умный, достойный, и есть отъ него большая польза. Что же ты молчишь?

— Да какъ вамъ сказать? — отвѣчалъ съ запинкой Самсоновъ, понижая голосъ до чуть слышнаго шопота. — Объ умѣ его что-то не слыхать; дока онъ по одной лишь своей конюшенной части; а пользы отъ него только его землякамъ, остзейцамъ, а паче того ему самому: два года назадъ, вишь, пожалованъ въ герцоги курляндскіе! А супругу его, герцогиню, съ того часу такая ли ужъ гордыня обуяла...

— Она вѣдь тоже изъ старой курляндской семьи фонъ-деръ-Тротта-фонъ-Трейдень.

— И состоитъ при государынѣ первой статсъ-дамой, доскалъ Самсоновъ, — шагу отъ нея не отходить. Такъ-то вотъ подъ курляндскую дудку всѣ у насъ пляшутъ!

— И русская партія?

— Не то, чтобы охотно, а пляшетъ. Противоборствуетъ герцогу открыто, можно сказать, одинъ всего человѣкъ — первый кабинетъ-министръ, Волынскій, Артемій Петровичъ. Вотъ, гдѣ ума палата! На три аршина въ землю видить. Дай Богъ ему здоровья!

— Но я все же не понимаю, Гриша, что же можетъ подѣлать этотъ Волынскій, коли Бирону дана государыней такая власть?

— Много, вѣстимо, не подѣлаеть; подъ мышку близко, да не укусишь. А все же государыня его весьма даже цѣнить. Прежде, бывало, она всякое утро въ 9 часовъ принимаетъ доклады всѣхъ кабинетъ-министровъ; а вотъ теперь, какъ здоровье ея пошатнулось, докладываетъ ей, почитай, одинъ Во-

лынскій. И Биронъ его, слышь, побаивается. Кто кого сможетъ, тотъ того и сгложетъ.

— Это что-жъ такое? — насторожилась Лилли когда тутъ изъ-за оконъ донесся звукъ ружейнаго выстрѣла. — Какъ-будто стрѣляютъ?

— Да, это вѣрно сама императрица, — объяснилъ Самсоновъ. — У ея величества двѣ страсти: лошади да стрѣльба. Съ тѣхъ поръ же, что доктора запретили ей садиться на лошадь, у нея осталась одна лишь стрѣльба. Зато вѣдь и бьетъ она птицъ безъ промаха на лету, — не только изъ ружья, но и стрѣлой съ лука.

— Но ты, Гриша, такъ и не досказалъ мнѣ еще, изъ-за чего хлопочетъ ваша русская партія?

— А изъ-за того, что доктора не даютъ государынѣ долгого вѣку. Буде Господу угодно будетъ призвать ее къ себѣ, кому воспріять послѣ нея царскій вѣнецъ: принцессѣ ли Аннѣ Леопольдовнѣ, или нашей цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ?

— Вотъ что! Но у которой-нибудь изъ нихъ, вѣрно, больше правъ?

— То-то вотъ, что разобраться въ правахъ ихъ больно мудрено. Цесаревна — дочь царя Петра, а принцесса — внучка его старшаго брата, царя Іоанна Алексѣевича¹. Но какъ сама-то нынѣшняя государыня — дочь того же царя Іоанна, и принцесса ей, стало быть, по плоти родной племянницей дово-

¹ Для большей наглядности мы прилагаемъ здѣсь родословную Дома Романовыхъ отъ царя Алексѣя Михайловича до середины XVIII вѣка.

дится, то, понятное дѣло, сердце ея клонить больше къ племянницѣ, какъ бы къ богоданной дочкѣ, хотя та по родителю своему и не русская царевна, а принцесса мекленбургская. Эхъ, Лизавета Романовна! кабы вамъ попастьъ въ фрейлины къ нашей цесаревнѣ...

— Нѣтъ, Гриша, покойная сестра моя была фрейлиной при принцессѣ...

— Да вѣдь вы сами-то душой больше русская, а въ лагерѣ ворововъ нашихъ, не дай Богъ, совсѣмъ еще онѣмечитесь!

— Принцесса вызвала меня къ себѣ въ память моей сестры, и я буду служить ей такъ же вѣрно, — рѣшительно заявила Лилли. — Довольно обо мнѣ! Поговоримъ теперь о тебѣ, Гриша. Отчего ты, скажи, у своихъ господъ не выкупишься на волю?

Наивный вопросъ вызвалъ у крѣпостного камердинера горькую усмѣшку.

— Да на какія деньги, помилуйте, мнѣ выкупиться? Будь я обученъ грамотѣ, цыфири, то этимъ хоть могъ бы еще выслужиться...

— Такъ обучись!

— Легко сказать, Лизавета Романовна. Кто меня въ науку возьметъ?

— Поговори съ своими господами. Поговоришь, да?

— Ужъ не знаю, право...

— Нѣтъ, пожалуйста, не отвертывайся! Скажи: "да".

— Извольте: "да".

– Ну, вотъ. Смотри же, не забудь своего обѣщанія!

Въ разгарѣ своей оживленной бесѣды друзья дѣтства такъ и не замѣтили, какъ гоффриейлина принцессы возвратилась въ пріемную. Только когда она подошла къ нимъ вплотную и заговорила, оба разомъ обернулись.

– Что это за человѣкъ, Лилли? – строго спросила Юліана по-нѣмецки.

Какъ облитая варомъ, дѣвочка вся раскраснѣлась и залепетала:

– Да это... это молочный братъ мой...

– Молочный братъ? – переспросила Юліана обмѣривая юношу въ ливреѣ недовѣрчивымъ взглядомъ. – Онъ много вѣдь тебя старше.

– Всего на три года.

– Такъ его мать не могла же быть твоей кормилицей?

– Кормила она собственно не меня, а Дези. Но такъ какъ Дези мнѣ родная сестра, то онъ и мнѣ тоже вродѣ молочнаго брата.

– Какой вздоръ! Съ той минуты, что ты попала сюда во дворецъ, этотъ человѣкъ для тебя уже не существуетъ; слышишь?

– Но онъ игралъ съ нами въ деревнѣ почти какъ братъ, научилъ меня ѣздить верхомъ... даже безъ сѣдла...

– Этого недоставало!

Фрейлина круто обернулась къ Самсонову и спросила по-русски, но съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ:

– Ты отъ кого присланъ?

– Отъ господина моего, Шувалова, Петра Иваныча, къ вашей милости. Вы изволили намеренно кушать съ нимъ миндаль – Vielliebchen; такъ вотъ-съ его проигрышъ.

Нѣжно-розовыя щеки молодой баронессы зардѣлись болѣе яркимъ румянцемъ.

– Хорошо, – сухо проговорила она, принимая конфеты.

– А отвѣта не будетъ?

– Нѣтъ! Идемъ, Лилли; принцесса уже ждетъ тебя.

III. Мечтанія принцессы

Сынъ фельдмаршала графа Миниха, камеръ-юнкеръ Анны Іоанновны, а по ея смерти – сперва гофмейстеръ, а затѣмъ и оберъ-гофмейстеръ при Дворѣ Анны Леопольдовны, даетъ въ своихъ «Запискахъ» такую, быть можетъ, нѣсколько пристрастную, но очень картинную характеристику молодой принцессы:

"Она сопрягала съ многимъ остроуміемъ благородное и добродѣтельное сердце. Поступки ея были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нея несноснѣе, какъ столь необходимое при Дворѣ притворство и принужденіе... Принужденная жизнь, которую она вела отъ 12-ти лѣтъ своего возраста даже до кончины императрицы Анны Іоанновны (поелику тогда, кромѣ торжественныхъ дней, никто посторонній къ ней входить не смѣлъ и за всѣми ея поступками строго присматривали) вліяла въ нее такой вкусъ къ уединенію, что она всегда съ неудовольствіемъ наряжалась, когда во время ея регентства надлежало ей принимать и являться къ публикѣ. Пріятнѣйшіе часы для нея были тѣ, когда она въ уединеніи и въ избраннѣйшей малочисленной бесѣдѣ проводила... До чтенія книгъ была она великая охотница, много читала на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, и отмѣнный вкусъ имѣла къ драматическому стихотворству. Она мнѣ часто говорила, что нѣтъ для нея ничего пріятнѣе, какъ тѣ мѣ-

ста, гдѣ описывается несчастная и плѣнная принцесса, говорящая съ благородною гордостію".

О чемъ, однако, преданный Аннѣ Леопольдовнѣ царедворецъ деликатно умолчалъ, это – удостовѣряемая другими современниками, необычайная для ея возраста склонность къ покою, къ *dolce far niente*, доходившая даже до небреженія о своей внѣшности.

Когда Лилли, слѣдомъ за фрейлиной, вошла къ принцессѣ, та, едва только вставъ со сна, нѣжилась опять на "турецкомъ канapé", съ неубранными еще волосами, въ "шлафоръ" на распашку. Но въ рукахъ у нея былъ уже романъ, который на столько приковалъ ея вниманіе, что стоявшая на столикѣ рядомъ чашка шоколада осталась недопитой. При видѣ входящей Лилли, миловидныя и добродушныя, но апатичныя, какъ бы безжизненныя черты Анны Леопольдовны слегка оживились.

– Подойди-ка сюда, дитя мое, дай разглядѣть себя.

Сказано это было по-нѣмецки. Съ ранняго дѣтства находясь въ Россіи, принцесса говорила совсѣмъ чисто по-русски; но, окруженная нѣмками, отдавала все-таки предпочтеніе нѣмецкой рѣчи.

– Она напоминаетъ свою сестру Дези, – замѣтила тутъ Юліана.

– Да, да, и станетъ еще красивѣе.

– Позвольте, ваше высочество, не согласиться. Дѣвочка Богъ-знаетъ что заберетъ себѣ еще въ голову.

– Да вѣдь она же не слѣпая, зеркало ей и безъ меня то же самое скажетъ? А для меня еще важнѣе зеркало души – глаза человѣка: по глазамъ я тотчасъ угадываю и душевныя качества. У тебя, дитя мое, сейчасъ видно, душа чистая, какъ кристалль, безъ тѣни фальши. Наклонись ко мнѣ, я тебя поцѣлую.

– На колѣни, на колѣни! – шепнула обробо́ввшей Лилли Юліана, и та послушно опустилась на колѣни.

Взявъ ея голову въ обѣ руки, Анна Леопольдовна напечатлѣла на каждый ея глазъ, а затѣмъ и въ губы по поцѣлую.

– Ну, теперь Расскажи-ка мнѣ, что ты дѣлала у своихъ родныхъ въ деревнѣ?

Своей лаской принцесса сразу покорила довѣрчивое сердце дѣвочки. Лилли принялась рассказывать. Принцесса слушала ее съ мечтательной улыбкой и временами только сладко позѣвывала.

– Да это настоящая пастушеская идиллія! промолвила она съ элегическимъ вздохомъ. – А я томлюсь здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ, и во вѣкъ, кажется, не дождусь того благороднаго рыцаря, что избавилъ бы меня изъ неволи!

– У вашего высочества есть уже свой рыцарь, и не простой, а принцъ крови, – замѣтила болѣе разсудительная фрейлина.

– Не говори мнѣ объ немъ! и слышать не хочу! – съ нѣкоторою даже запальчивостью возразила принцесса.

– Принцъ намѣченъ вамъ въ супруги самой государыней

еще шесть лѣтъ назадъ, не унималась Юліана. — Вамъ можно было бы, ужъ я думаю, привыкнуть къ этой мысли.

— Никогда я къ ней не привыкну, никогда! Былъ у меня разъ свой рыцарь безъ страха и упрека...

— Не оставить ли намъ этотъ разговоръ? — прервала фрейлина, косясь на стоявшую тутъ же дѣвочку.

— Чтобъ она вотъ не слышала? Да вѣдь сестра ея все знала, и сама она тоже, такъ ли, сякъ ли, скоро узнаетъ; не все ли ужъ равно? Но за что, скажи, удалили тогда Линара, за что?!

— Да какъ же было его не удалить? Я, признаться, вообще не понимаю вашей бывшей гувернантки, г-жи Адеркасъ, что она поощряла ваши нѣжныя чувства...

— У нея, милая, было сердце; она понимала, что въ груди у меня тоже не камень. А ей за это было приказано въ двадцать четыре часа убраться вонъ изъ Петербурга!

— Да, ее вѣжливо попросили вернуться домой къ себѣ въ Пруссію. Не заступись за нее тогда прусскій посланникъ Мардефельдъ, съ нею, вѣрно, поступили бы еще круче. Мардефельдъ же вѣдь и рекомендовалъ ее, потому что она ему близкая родственница, и чрезъ нее, нѣтъ сомнѣнія, преслѣдовалъ свои политическія цѣли.

— Да я-то, скажи, тутъ приче́мъ? Какое мнѣ дѣло до этой глупой политики, когда у меня говоритъ сердце!

— Ваше высочество я особенно и не осуждаю: вамъ было тогда едва 17 лѣтъ и вы начитались пламенныхъ рыцарскихъ романовъ. Но зачѣмъ тревожить прошлое? За три года графъ

Линарь успѣлъ не только жениться у себя въ Дрезденѣ, но и похоронить жену; о своемъ здѣшнемъ романѣ онъ, повѣрьте мнѣ, давнымъ-давно и думать пересталъ.

— Зачѣмъ ему забыть, если я не забыла? А теперь онъ опять свободенъ...

— Вы, принцесса, все упускаете изъ виду, что вы — наслѣдница россійскаго престола, и супругомъ вашимъ можетъ быть только принцъ крови.

— Но зачѣмъ мнѣ выходить именно за этого косноязычнаго Антона-Ульриха?

— Это выборъ самой государыни; его нарочно вѣдь выпи-сали для васъ изъ Брауншвейга, обучили русскому языку...

На этомъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ камер-пажа, который доложилъ, что его свѣтлости герцогу Бирону угодно видѣть ея высочество.

— Да мнѣ-то не угодно его видѣть! — объявила принцесса.

— Должно быть, у него до васъ какое-нибудь экстренное дѣло, — вступилась фрейлина.

— Герцогъ прошелъ сюда прямо отъ государыни импера-трицы, — пояснилъ пажъ.

— Значить, придется ужъ его принять, настаивала Юліа-на. — Только ваше высочество еще въ утреннемъ неглиже...

— Стану я для него наряжаться!

— Да и не причесаны...

Принцесса взялась рукой за прическу. Убѣдись, должно быть, что въ такомъ видѣ принимать всесильнаго временщи-

ка, дѣйствительно, не совсѣмъ пристойно, она повязала себѣ волосы лежавшимъ тутъ отоманкѣ бѣлымъ платкомъ и запахнула на груди шлафрокъ.

– Ну, что же, проси!

IV. Прощай, мечты!

Герцогу курляндскому Эрнсту-Йоганну Бирону въ то время шель 49-й годъ. Въ молодости онъ, надо было думать, былъ «писанный красавецъ» – въ нѣмецкомъ, разумѣется, вкусѣ. Съ годами же подъ его энергичнымъ подбородкомъ образовался жировой кадыкъ, и гладко-выбритое лицо его, почти четверугольное, замѣтно обрюзгло. Тѣмъ не менѣе, въ своемъ пышномъ парикѣ съ буклями до плечъ, въ шелковомъ, ярко оранжевомъ, расшитомъ золотомъ кафтанѣ, съ голубою андреевскою лентой черезъ плечо и съ блестящею звѣздой на груди, этотъ рослый и осанистый, пышущій здоровьемъ мужчина производилъ впечатлѣніе очень внушительное, хотя и отнюдь не благопріятное: холодно-жестокій взглядъ его сѣрыхъ глазъ и плотоядный, широкій ротъ невольно отъ него отталкивали.

– Имѣю счастье пожелать вашему высочеству добраго утра, – началъ онъ по-нѣмецки деревянно-официальнымъ тономъ, преклоняясь съ надменностью восточнаго сатрапа. – Баронессѣ Юліанѣ мое почтеніе.

При этомъ взоръ его скользнулъ и въ сторону Лилли и на минутку на ней остановился, точно изучая ея внѣшность.

– Это – младшая сестра покойной моей фрейлины Дези Врангель, – пояснила Анна Леопольдовна, нехотя поднявшаяся съ отоманки на встрѣчу непрошеному гостю.

— Я такъ и полагалъ, — отозвался временщикъ и съ милой улыбкой шагнулъ къ дѣвочкѣ. — Настоящій персикъ и прямо съ вѣтки.

Мясистая рука его протянулась къ ея свѣжему, загорѣлому личику. Но оцѣнить высокую ласку Лилли не сумѣла и звонко хлопнула его по рукѣ.

— Aber, Lilli! — ужаснулась Юліана.

— Sapperlot! — сорвалось и съ губъ герцога; въ глазахъ его сверкнула такая звѣрская злоба, что у Лилли колѣни задрожали.

Но бывалый царедворецъ, видно, уже спохватился, что подобныя "буршикозныя" междометія не совсѣмъ умѣстны въ присутствіи принцессы, и счелъ долгомъ извиниться передъ нею:

— Не взыщите, ваше высочество...

— Развѣ съ васъ можно взыскивать, когда вы полжизни проводите на конюшнѣ? — былъ сухой отвѣтъ.

"Это въ отместку за меня!" пробѣжало въ головѣ у Лилли.

Бирона, всей душой преданнаго своему конюшенному вѣдомству, передернуло; можно было ожидать, что при своей неудержимой вспыльчивости онъ дастъ волю своему гнѣву. Благоразуміе, однако, одержало верхъ, и онъ приступилъ сряду къ предмету аудіенціи прежнимъ деревяннымъ тономъ, точно раскусывая каждое слово:

— Государыня императрица поручила мнѣ передать вашему высочеству свою непреложную Высочайшую волю.

— Волю государыни я всегда чту и готова исполнить, если то въ моей власти, — отвѣчала Анна Леопольдовна. — Въ чемъ дѣло?

Герцогъ взглянулъ на Юліану и Лилли.

— Дѣло столь деликатное, — заявилъ онъ, — что всякое постороннее ухо здѣсь излишне.

— Лилли Врангель можетъ сейчасъ выйти; отъ Юліаны же у меня нѣтъ тайнъ.

— Есть тайны государственныя, принцесса, которыя раньше времени не сообщаются и самымъ приближеннымъ лицамъ.

— А это такая государственная тайна?

— М-да. Долго я не держу вашего вниманія.

Принцесса пожала плечами и предложила обѣимъ барышнямъ выйти изъ комнаты. Тѣ молча повиновались и притворили за собою дверь.

Любопытство, свойственное вообще прекрасному полу, не было чуждо, видно, и гоффрейлинѣ. Она опустилась на ближайшій къ двери диванчикъ и указала Лилли мѣсто рядомъ съ собой; причемъ не утерпѣла, впрочемъ, сдѣлать ей шопотомъ серіозное внушеніе за давишнюю безтактность съ герцогомъ.

— Ужъ не знаю, кто былъ болѣе безтактенъ: онъ или я! — оправдывалась дѣвочка. — Какъ онъ смѣетъ лѣзть своей противной лапой мнѣ въ лицо!

— Вреда тебѣ оттого вѣдь никакого бы не было. Ты не

должна забывать, что для герцога у насъ законовъ не писано. Сколько изъ петербургскихъ дамъ были бы польщены такимъ его вниманіемъ!

— А сами вы тоже были бы польщены?

Очередь возмутиться была теперь за красавицей-гоф-фрейлиной.

— Ты забываешься! Притомъ онъ видѣлъ въ тебѣ еще полуробенка...

— Но я все-таки изъ старинной дворянской семьи; а онъ, говорятъ, изъ простыхъ придворныхъ служителей, и фамилія его даже не Биронъ, а Bühren...

— Самъ онъ производитъ свой родъ отъ знаменитаго французскаго герцога Бирона, — по праву или самозванно — судить не намъ. Мы должны считаться съ тѣмъ, что онъ теперь на самомъ дѣлѣ. Теперь онъ всѣми признанный герцогъ курляндскій, и въ рукахъ его — не одна Курляндія, но и вся Россія съ ея милліонами подданныхъ. Но тише! дай послушать.

Обѣ приникли ухомъ. Сквозь толстую дубовую дверь, притворявшуюся плотно, донесся все же довольно явственно раздраженный голосъ герцога:

— Еще разъ повторяю, что такова воля государыни! А я даю вамъ еще на выборъ того или другого.

— Да не хочу я ни того, ни другого! — крикнула въ отчаяніи принцесса.

— Воля государыни! — повторилъ Биронъ. — И рѣшеніе свое вы должны объявить мнѣ сейчасъ же. Итакъ?

Въ отвѣтъ послышалось какъ будто рыданіе.

— Извергъ!.. — пробормотала Юліана и сорвалась съ дивана.

Она схватилась уже за ручку двери, но вдругъ отлетѣла назадъ и заняла свое прежнее мѣсто на диванѣ.

— Что такое? — спросила Лилли.

— Онъ сейчасъ выйдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, дверь съ шумомъ распахнулась, и вредничекъ не вышелъ, а выбѣжалъ отъ принцессы. Видъ у него былъ положительно страшный: это былъ бѣшеный звѣрь, но не левъ, гордый царь пустыни, а матерый быкъ, приведенный въ ярость краснымъ платкомъ. Когда онъ пробѣжалъ мимо, Юліана и Лилли возвратились къ принцессѣ.

Анна Леопольдовна лежала распростертой на своей отоманкѣ, уткнувшись лицомъ въ вышитую подушку. Плечи ея нервно вздрагивали.

Юліана первымъ дѣломъ пошла въ сосѣдній покой за вальеріановыми каплями: Лилли узнала ихъ тотчасъ по рѣзкому запаху, который распространился по комнатѣ. Когда же капли оказали на плачущую свое успокоительное дѣйствіе, фрейлина не замедлила справиться, что ее такъ разстроило.

— Все кончено... — былъ безнадежный отвѣтъ.

— Т.-е. какъ такъ кончено?

— А такъ, что я выхожу замужъ.

— За принца Антона-Ульриха?

– Ну да... Ахъ ты, Боже мой, Боже мой!

– Но какъ же это, скажите, герцогу удалось все же убѣдить васъ?

– Онъ принесъ мнѣ категорическое повелѣніе тетушки. Доктора даютъ ей вѣдь не болѣе двухъ лѣтъ жизни; такъ она хочетъ, чтобы еще до ея смерти у меня былъ сынъ – будущій императоръ...

– Чтобы такимъ образомъ при ней еще русскій тронъ былъ твердо упроченъ? Желаніе государыни, ваше высочество, выполнѣ понятно, и откладывать дѣло, дѣйствительно, уже не приходится. Но чего я все-таки не понимаю: отчего герцогъ послѣ своей успѣшной миссіи вышелъ отъ васъ такимъ разсерженнымъ?

– Да представъ себѣ, Юліана, наглость: "Не хотите вы, – говорить, – принца брауншвейгскаго, такъ возьмите принца курляндскаго". Я сначала даже не поняла.

" – Какого такого? говорю.

" – А старшаго сына моего, Петра.

" – Да ему, говорю, – всего вѣдь пятнадцать лѣтъ!

" – Но онъ уже ротмистръ кирасирскаго полка.

" – Ротмистръ, который потѣшается тѣмъ, что обливаетъ дамамъ платья чернилами, а съ мужчинъ срываетъ парики! Нѣтъ, говорю, если ужъ выбирать изъ двухъ золъ, то лучше взять меньшее: вмѣсто мальчика-ротмистра, взрослого генерала".

– И увѣнчаннаго уже на войнѣ лаврами, – досказала Юліа-

на: — за свою храбрость принцъ Антонъ-Ульрихъ заслужилъ вѣдъ два высшихъ ордена: Александра Невского и Андрея Первозваннаго.

— "За свою храбрость"? Такой робкій человѣкъ не можетъ быть храбрымъ. Онъ не похожъ даже на мужчину!

— Да, съ дамами онъ нѣсколько застѣнчивъ, — потому, можетъ быть, что заикается. Но собой онъ очень и очень недурень...

— Перестань, пожалуйста, Юліана! Съ чего ты взяла мнѣ его расхваливать?

— Да разъ онъ дѣлается вашимъ супругомъ, такъ надо же вамъ показать его и съ свѣтлыхъ сторонъ.

— То-то, что онъ для меня черезчуръ уже свѣтелъ: совершенный блондинъ, даже рѣсницы бѣлыя!

— Но блондины и раньше были вашею слабостью; вѣдъ и нѣкій дрезденскій рыцарь далеко не брюнетъ...

— Ты, Юліана, точно еще насмѣхаешься надо мной.

— Служить вамъ можетъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, что участь вашу раздѣляютъ почти всѣ коронованныя особы; хоть бы вотъ молодая королева прусская, Елисавета-Христина.

— Но у той супругъ — не чета Антону-Ульриху Фридриха II уважаетъ вся Европа.

— Тѣмъ хуже: онъ не выноситъ вида своей супруги, съ которой его насильно повѣнчали, встрѣчается съ нею только въ торжественныхъ случаяхъ, а она, бѣдная, говорить, его все-

таки, безумно любить, изнываетъ по немъ! Вотъ это, точно, не дай ужъ Богъ. А когда же, скажите ваша свадьба?

– Не знаю и знать не желаю! Вотъ наша доля – доля принцессъ крови... Ахъ, и ты еще здѣсь, Лилли? Благодари Бога, моя милая, что ты не принцесса, что можешь вытти разъ замужъ за человѣка, котораго всѣмъ сердцемъ любишь!

V. На смарку

Хотя принцесса Анна Леопольдовна съ принцемъ брауншвейгскимъ (точнѣ говоря, брауншвейгъ-бевеpнъ-люнебургскимъ) Антономъ-Ульрихомъ официально еще и не обручились, но съ другого же дня ни для кого при Дворѣ не было уже тайной, что негласная помолвка состоялась, и что такимъ образомъ вопросъ объ этомъ бракѣ, много лѣтъ уже назадъ задуманномъ императрицею, рѣшенъ безповоротно. Всѣ интересы придворныхъ вращались теперь около предстоящаго брачнаго торжества и ожидаемыхъ съ нимъ всевозможныхъ празднествъ. На ту же тему бесѣдовали межъ собой и два молодыхъ камеръ-юнкера цесаревны Елисаветы Петровны, братья Шуваловы, сидя у себя дома подъ вечеръ за ломбернымъ столомъ.

Карточная игра, преимущественно азартная — въ банкъ-"фараонъ", въ "бириби", въ "ла-мушъ" и въ "квинтичь" (отъ французскаго названія "quine") въ ту пору при нашемъ Дворѣ процвѣтала. Какъ только выдавался свободный вечеръ, ломберные столы разставлялись попеременно то въ собственныхъ покояхъ императрицы, то у герцога курляндскаго, то у его добраго пріятеля, второго кабинетъ-министра, графа Остермана. Въ "русскомъ лагерѣ" карты составляли также самое обыденное развлеченіе. Главный столпъ русской партіи, первый кабинетъ-министръ Волынкій, за массою го-

сударственныхъ дѣлъ, рѣже другихъ увлекался игрой. Сама же цесаревна играла очень охотно, и ея придворная молодежь питала ту же слабость. Если почему-либо въ елисаветинскомъ дворцѣ не устраивалось игры, то зеленый столъ открывался вѣрно у кого-нибудь изъ ея сторонниковъ.

Въ описываемый вечеръ обычные партнеры Шуваловыхъ еще не прибыли, но, въ ожиданіи ихъ, братья забавлялись игрой вдвоемъ, – пока, впрочемъ, игрой не азартной, а "коммерческой" – въ пикетъ.

– Ты, Петя, нынче что-то очень ужъ разсѣянъ, – говорилъ старшій братъ, Александръ Ивановичъ, записывая свой выигрышъ мѣломъ и тасуя затѣмъ колоду: – разносишь четырнадцать дамъ! Въ головѣ у тебя вѣрно опять пятнадцатая дама?

– Ты думаешь: Юліана Менгденъ? – отозвался Петръ Ивановичъ. – Нѣтъ, если я и приударяю за нею, то больше для фигуры, чтобы быть всегда *au courant* на счетъ всего, что творится въ ихъ лагерѣ. Вертится въ головѣ у меня все этотъ марьяжъ принцессы! Какое положеніе займетъ наша цесаревна? Доселѣ ей, родной дочери Великаго Петра, были равные онѣры съ принцессой. Отнынѣ же принцесса выдвигается на первый планъ, становится полноправною наслѣдницей престола.

– Буде у нея не родится сынъ, напередъ уже предназначенный быть императоромъ,

– Да не все ли это одно?

– До совершеннолѣтія опекать его будетъ она же, мамаша. Но при ея вяломъ темпераментѣ Биронъ живо приберетъ правленіе къ рукамъ и станетъ полновластнымъ падишахомъ.

– А твой добрый пріятель Липпманъ – его первымъ визиремъ! – съ усмѣшкой досказалъ старшій братъ.

При имени придворнаго банкира Липпмана, бывшаго въ то же время шпіономъ, наушникомъ и ближайшимъ совѣтчикомъ Бирона, – Петръ Ивановичъ сердито поморщился.

– Не называй мнѣ этого хриstopродавца! сказалъ онъ. – Дереть такіе безбожные проценты...

– Охота жъ тебѣ съ нимъ связываться: интригантъ и каналья прекомплектная. Но ты, Петя, смотришь слишкомъ мрачно. Ты забываешь, что у насъ есть Волынскій...

– Да, доколѣ жива государыня, намъ, русскимъ, кое-какъ живется. Книгъ она, кромѣ божественныхъ, правда, не читаетъ, окружила себя бабьемъ да скоморохами; но Артемія Петровича она все же принимаетъ съ докладами. Природнаго здраваго смысла у нея много, да и любить она свой народъ. Но разъ ея не станетъ, – прощай матушка Россія! Настанетъ царствіе нѣмецкое. Первымъ падетъ, увидишь, Волынскій; а тамъ и намъ съ тобой придется укладывать сундуки...

– Въ мѣста не столь отдаленныя.

– А можетъ, и въ весьма отдаленныя. Что-то будетъ, братъ, что-то будетъ?!

Со стороны входныхъ дверей донесся сочувственный

вздохъ. Оба брата съ недоумѣніемъ оглянулись: въ дверяхъ стоялъ второй ихъ камердинеръ, знакомый уже читателямъ Гриша Самсоновъ.

— Ты чего тутъ уши развѣсилъ? — строго замѣтилъ ему старшій баринъ. — Господскія рѣчи, знаешь вѣдь, не для холопскихъ ушей.

— Не погнѣвайтесь, сударь, отозвался Самсоновъ. — Но и у нашего брата, холопа, душа русская и по родинѣ своей тоже скорбитъ.

— А помочь горю все равно тоже не можешь.

— Одинъ-то, знамо, въ полѣ не воинъ; но найдись побольше такихъ, какъ я...

— Что такое?! — еще строже пріосанился Александръ Ивановичъ. — Да ты никакъ бунтовать собираешься?

— Поколѣ здравствуетъ наша благовѣрная государыня Анна Іоанновна, бунтовать никому и на мысль не впадетъ. Когда же ея въ живыхъ уже не станетъ, да придетъ то царствіе нѣмецкое, такъ какъ же русскимъ людямъ не подняться на нѣмцевъ?

— Вонъ слышишь, Петя, слышишь? — обернулся Александръ Ивановичъ къ младшему брату. — А все ты съ своимъ вольномысліемъ: пускаешься въ бесѣды съ холопьями какъ съ равными...

— А мнѣ, знаешь ли, такая простота ихъ даже нравится, — отозвался "вольномыслящій" братъ. — Воочію видишь, какъ пробуждается человѣкъ, какъ начинаетъ шевелить мозгами.

Ну, что же, Самсоновъ, говори, надоумь насъ, сдѣлай милость, какъ намъ въ тѣ поры быть, что предпріять.

Добродушная иронія, слышавшаяся въ голосъ младшаго барина, вогнала кровь въ лицо "холопа".

— Вы, сударь, вотъ смѣтаетесь надо мной, — сказалъ онъ, — а мнѣ, ей-ей, не до смѣху.

— Да и мнѣ тоже, — произнесъ Петръ Ивановичъ болѣе серьезно. — Говори, не бойся; можетъ, что намъ и вправду пригодится.

Самсоновъ перевелъ духъ и заговорилъ:

— Цесаревна наша вѣдь — подлинная дочь своего великаго родителя: душа у нея такая жъ русская, умъ тоже острый и свѣтлый. И народъ объ этомъ хорошо знаетъ, крѣпко ее любить, а про гвардію нашу и говорить нечего: всѣ какъ есть до послѣдняго рядового души въ ней не чають, готовы за нее въ огонь и въ воду...

— Ну?

— Такъ вотъ, коли будетъ ужъ такая воля Божья и пробьетъ государынѣ смертный часъ, — кому и быть на ея мѣсто царицей, какъ не цесаревнѣ? Вся гвардія, а за ней и весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, возгласить: "Да здравствуетъ наша матушка-государыня Елисавета Петровна!"

— Ну, подумайте! Очумѣль ты, паря, аль съ ума спятилъ? Не дай Богъ, кто чужой тебя еще услышитъ... — раздался тутъ изъ передней ворчливый старческій голосъ, и оттуда выставилась убѣленная сѣдинами голова перваго камердинера

Шуваловыхъ, Ермолаича. (Ни имени, ни прозвища старика никто уже, кажется, не помнилъ; для всѣхъ онъ былъ просто Ермолаичъ).

— Это ты, старина? — обернулся къ нему старшій баринъ. — Убери-ка его отсюда; не то еще на всѣхъ насъ бѣду накли-
четъ.

— Шалый, одно слово! У него и не туда еще дума заносит-
ся.

— А куда-же?

— Да хочеть, вишь, грамотѣ обучиться. Ну, подумайте!

— Да, ваша милость, не откажите! — подхватилъ тутъ Сам-
соновъ. — Вѣкъ за васъ Богу молиться буду.

— Мало еще своего дѣла! — продолжалъ брюзжать стари-
къ. — Батошьемъ-бы поучить — вотъ те и наука.

— Слышишь, Григорій, что умные-то люди говорятъ? — за-
мѣтилъ Александръ Ивановичъ. — Знай сверчокъ свой ше-
стокъ.

— Прости, Саша, — вступился младшій братъ. — Есть еще и
другая пословица: ученье — свѣтъ, а неученье — тьма. Отчего
мы съ тобой изъ деревни до сихъ поръ толковаго отчета ни-
какъ не добьемся? Оттого, что прикащикъ у насъ и въ гра-
мотѣ, и въ ариѳметикѣ еле лыко вяжетъ. Я, правду сказать,
ничего противъ того не имѣю, чтобы Григорій поучился чи-
тать, писать, да и счету.

— А я рѣшительно противъ того. Ну, а теперь вы, болтуны,
убирайтесь-ка вонъ; мѣшаете только серіознымъ дѣломъ за-

ниматься.

— Иди, иди! чего сталъ? — понукаль Ермолаичъ Самсонова, дергая его за рукавъ. — Тоже грамотей нашелся! Ну, подумайте!

Нехотя поплелся тотъ за старикомъ. Господа же принялись опять за свое "серіозное дѣло".

— Уморительный старикашка съ своей поговоркой, — говорилъ Александръ Ивановичъ, собирая карты. — Экая шваль вѣдь пошла, экая шваль: ни живого человѣческаго лица! Ну, подумайте!

Дѣйствительно, счастье ему измѣнило; братъ его то-и-дѣло объявляль квинты, четырнадцать тузовъ и насчитываль за шестьдесятъ и за девяносто. Александръ Ивановичъ потеряль терпѣніе.

— Нѣтъ, въ пикетъ тебѣ теперь безсовѣстно везеть! — сказалъ онъ. — Заложи-ка лучше: банчикъ.

— Могу; но сперва дай-ка сосчитаемся.

При расчетѣ оказалось, что запись младшаго брата превышала запись старшаго на двѣнадцать рублей.

— Вотъ эти двѣнадцать рублей и будутъ моимъ фондомъ, объявилъ онъ.

— Только-то? Тогда я ставлю сразу ва-банкъ.

Но счастье не повернулось: карта понтирующаго была бита и фондъ банкмета удвоился.

— Ва-банкъ!

Фондъ учетверился.

– Ва-банкъ!

– Да что-жъ это, братъ, за игра? – замѣтилъ Петръ Ивановичъ. – Ты будешь этакъ удваивать кушъ, пока не сорвешь наконецъ банка?

– Это – мое дѣло.

– Ну, нѣтъ! Предѣлъ ставкамъ долженъ быть. Еще два раза, такъ и быть, промечу.

– Еще десять разъ, голубчикъ!

– Ладно, пять разъ – и баста.

Но всѣ пять разъ удача была опять на сторонѣ банкомета. Проигравшійся съ досады плюнулъ и помянулъ даже чорта.

– Полторы тысячи съ лишкомъ! Да у меня и денегъ такихъ нѣтъ.

– Такъ вотъ что, Саша, – предложилъ Петръ Ивановичъ. – Я смараю тебѣ всю сумму; уступи мнѣ только всѣ права на Самсонова. – Какъ такъ?

– А такъ, что до сихъ поръ онъ принадлежалъ намъ обоимъ; а впредь онъ будетъ исключительно мой.

– Что за фантазія!

– Ну, чтожъ, идетъ?

– Идетъ!

Петръ Ивановичъ стеръ со стола всю свою записъ, а затѣмъ крикнулъ:

– Самсоновъ!

Самсоновъ показался на порогѣ.

– Подойди-ка сюда. До сегодняшняго дня у тебя было двое

господь: вотъ Александръ Ивановичъ да я. Теперь мы заключили съ нимъ полюбовную сдѣлку: онъ уступилъ мнѣ всѣ свои права на тебя.

Сумрачныя еще черты молодого камердинера просвѣтлѣли.

— Такъ-ли я уразумѣлъ, сударь? У меня будетъ одинъ всего господинъ — ваша милость; а у Александра Иваныча одинъ Ермолаичъ?

— О Ермолаичъ у насъ рѣчи не было; онъ остается при томъ, при чемъ былъ. Но ты, понятное дѣло, не долженъ отказываться помогать иногда старику.

— Да я со всѣмъ моимъ удовольствіемъ.

— А такъ какъ надъ тобой нѣтъ отнынѣ уже другой власти, oprичъ моей, то я разрѣшаю тебѣ обучиться и грамотѣ, и письму, и счету.

Самсоновъ повалился въ ноги своему единственному теперь господину.

— Ну, это ты уже напрасно, этого я не выношу! — сказалъ Петръ Ивановичъ. — Не червякъ ты, чтобы пресмыкаться. Сейчасъ встань!

— За это слово, сударь, благослови васъ Богъ! — произнесъ глубоко-взволнованный Самсоновъ и приподнялся съ полу. — Мы хоть и рабы, а созданы тоже по образу Божію...

— Ну, вотъ, и пожинай теперь свои плоды! — замѣтилъ брату по-французски Александръ Ивановичъ. — Онъ считаетъ себя настоящимъ человѣкомъ!

— А что-же онъ по твоему — животное? — отозвался на томъ-же языкѣ младшій братъ; послѣ чего обратился снова къ Самсонову. — Но учителя для тебя у меня еще нѣтъ на примѣтъ. Развѣ послать за приходскимъ дьячкомъ?..

— Да чего-же проще, — насмѣшливо вмѣшался снова Александръ Ивановичъ: — отправь его въ des sciences Академію: тамъ учеными мужами хоть прудъ пруди.

— А чтожъ, и отправлю, — идея вовсе не дурная, — только не къ нѣмцамъ-академикамъ, а къ русскому-же человѣку, секретарю Академіи, Тредіаковскому. Онъ обучалъ русской грамотѣ вѣдь и принца Антона-Ульриха.

На этомъ разговоръ былъ прерванъ рѣзкимъ звонкомъ въ передней: то были ожидаемые Шуваловыми партнеры, и весь интересъ пріятельской компаніи до самаго разсвѣта сосредоточился уже на "капитальномъ" вопросѣ: ляжетъ-ли такая-то карта направо или налѣво.

VI. Секретарь де-сіянсь Академіи на службѣ и на Олимпѣ

Своего будущаго учителя, Василья Кирилловича Тредіаковскаго, Самсоновъ не имѣлъ еще случая видѣть, а по наслышкѣ не могъ составить себѣ объ немъ сколько-нибудь яснаго представленія. Нѣкоторое время уже спустя, горемычный піита-философъ, привязавшись, повидимому, довольно искренно къ своему способному ученику, въ минуты откровенія повѣдалъ ему урывками свое прошлое. Изъ этихъ урывковъ для Самсонова постепенно выяснилось, что Тредіаковскій былъ сыномъ приходскаго священника и родился въ Астрахани въ 1703 году. Первые азы онъ одолѣлъ въ мѣстной приходской школѣ, но затѣмъ былъ перемѣщенъ въ латинскую школу при католическомъ костелѣ монаховъ-капуциновъ «для прохожденія словесныхъ наукъ» на латинскомъ языкѣ. Вліяніе на него отцовъ-капуциновъ и въ религіозномъ отношеніи сказалось при окончаніи двадцатилѣтнимъ бурсакомъ курса: когда родитель вздумалъ тутъ женить его на одной священнической дочери, чтобы открыть ему такимъ образомъ путь къ священническому сану, сынъ сбѣжалъ изъ-подъ вѣнца въ Москву. Благодаря основательной подготовкѣ въ латыни, онъ былъ принятъ въ славяно-греко-латинскую академію при московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ прямо въ классъ реторики. Но его мечтою было —

«вѣщающее усовершенствованіе» въ заграничныхъ академіяхъ. И вотъ, съ грошами въ карманѣ, онъ пѣшкомъ добирается до Петербурга, находитъ тамъ «вождѣленную оказію» и на голландскомъ кораблѣ плыветъ въ Амстердамъ. Русскій посланникъ при голландскомъ Дворѣ графъ Головкинъ, даетъ ему у себя временный пріютъ «съ изряднымъ трапезникомъ», пока юноша не научается говорить по-французски; а затѣмъ отпускаетъ его съ миромъ «по образу пѣшаго хожденія» въ Парижъ, гдѣ тамошній посолъ нашъ князь Куракинъ точно также принимаетъ его «на даровой коштъ» въ свой домъ. Въ парижскомъ университетѣ молодой человѣкъ заканчиваетъ свое образованіе по наукамъ философскимъ и математическимъ, а въ Сорбонѣ — по богословскимъ. Въ то же время онъ участвуетъ и въ публичныхъ диспутахъ, пишетъ не только русскіе, но и французскіе стихи, переводитъ на русскій языкъ, частью прозой, частью стихами, сочиненіе «Бѣда на островъ любви». По возвращеніи въ Петербургъ онъ мается три года безъ мѣста, «испытывая всякія огорчительныя неожиданности и реприманты», пока, наконецъ, въ 1733 году не пристраивается на казенную должность секретаря «де-сіансъ Академіи», съ жалованьемъ въ 360 р. асс. и съ обязательствомъ: «1, стараться о чистомъ слогѣ россійскаго языка, какъ простымъ слогомъ, такъ и стихами; 2, давать лекціи въ гимназіи при Академіи; 3, трудиться совокупно съ другими надъ лексикономъ, и 4, окончить грамматику, которую онъ началъ, также и переводить съ французскаго и латинска-

го на російській языкъ все, что ему дано будетъ». Теперь-же онъ, «какъ истинный сынъ, отечества, полагаль всю славу и удовольствіе въ доблестномъ выполненіи сихъ начальственныхъ предначертаній».

Все это, какъ сказано, Самсоновъ узналъ уже впослѣдствіи. Когда онъ подходилъ къ главному, украшенному колоннами, portalу академическаго зданія, онъ не зналъ даже, молодой-ли еще человѣкъ Тредіаковскій, или же онъ такого же преклоннаго возраста, какъ этотъ сгорбленный старичокъ въ очкахъ, что поднимался только-что по ступенямъ высокаго крыльца. Пропустивъ старичка впередъ, Самсоновъ вошелъ вслѣдъ за нимъ въ прихожую.

— Здравія желаю вашему превосходительству! — почтительно-фамиллярно привѣтствовалъ старичка украшенный нѣсколькими медалями швейцаръ, снимая съ него старенькій плащъ съ капюшономъ, тогда какъ подначальный сторожъ принималъ шляпу и палку.

— Господинъ секретарь здѣсь? — спросилъ старичокъ по-русски, но съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

Отвѣтъ былъ утвердительный.

— А господинъ совѣтникъ?

— Тоже-съ; сейчасъ только прибыли.

Старичокъ направился къ двери съ надписью, которую Самсоновъ за неграмотностью не могъ прочесть, но которая гласила: "Канцелярія".

— Вѣрно, академикъ? — отнесся Самсоновъ къ швейцару.

Тотъ не удостоилъ его отвѣта, оглядѣль его ливрею критическимъ окомъ и спросилъ въ свою очередь:

— Да ты къ кому?

— Къ господину Тредіаковскому, Василью Кириллычу.

— Отъ кого?

— Отъ моего господина.

— Да господинъ-то твой кто будетъ?

— А тебѣ для чего знать?

Швейцарскія очи гнѣвно вспыхнули: какой-то юнецъ-лакейшко и смѣетъ дерзить ему, многократному "кавалеру"!

— Коли спрашиваю, стало, нужно. Ну?

— Господинъ мой — камеръ-юнкеръ цесаревны, Петръ Ивановичъ Шуваловъ.

— Ты съ письмомъ отъ него, значить?

— Съ письмомъ.

— Да ты, чего добраго, къ намъ на службу мѣтишь? Ступай себѣ съ Богомъ, ступай! Секретарь у насъ — послѣдняя спица въ колесницѣ и ни какихъ мѣстъ не раздаетъ.

— Я и не ищу вовсе мѣста.

— Такъ о чемъ же письмо-то?

Назойливость допросчика надоѣла допрашиваемому.

— Въ письмѣ все расписано, да письмо, вишь, запечатано.

Какъ распечатаетъ его господинъ секретарь, такъ спроси: коли твоя милость здѣсь всѣхъ дѣлъ вершитель, такъ онъ тебѣ все въ точности доложить. А теперь самъ доложи-ка обо мнѣ.

Такою неслыханною продерзостью оскорбленный до глу-

бины души, "кавалеръ" весь побагровѣлъ и коротко фыркнулъ:

— Подождешь!

Приходилось вооружиться терпѣніемъ. Около стѣны стоялъ для посятителей ясневаго дерева ларь. Самсоновъ пошелъ къ ларю и присѣлъ. Но начальникъ прихожей тотчасъ поднималъ его опять на ноги:

— Ишь, разсѣлся! Вонъ въ углу мѣсто: тамъ и постоишь.

Дѣлать нечего, пришлось отойти въ уголъ. Въ это время изъ канцеляріи стали доноситься спорящіе голоса, вѣрнѣе, одинъ голосъ, трубный, звучалъ недовольно и повелительно, а другой звенѣлъ виноватой скрипящей фистулой. Первый принадлежалъ, должно быть, "совѣтнику", начальнику канцеляріи, второй же — секретарю.

— Здорово его отчитываетъ! — замѣтилъ сторожу швейцаръ, выразительно поводя бровью.

— Допекаетъ! — усмѣхнулся тотъ въ отвѣтъ. — Вѣрно, опять что проворонилъ.

— Не безъ того. Съ нашимъ братомъ изъ себя какой вѣдь куражный, а передъ начальствомъ и оправить себя не умѣетъ.

Дверь канцеляріи растворилась. Первымъ показался опять старичекъ-академикъ. Провожавшій его до порога "совѣтникъ", сухопарый и строгаго вида мужчина, покровительственно успокоилъ его на прощанье: "Wird Ailes geschehen, Geehrtester" ("Все будетъ сдѣлано, почтеннѣйшій"), и повер-

нуль назадъ.

Въ тотъ же мигъ проскользнуло въ прихожую третье лицо, судя по потертому форменному кафтану съ мѣдными пуговицами – секретарь, чтобы выхватить изъ рукъ швейцара плащъ академика и собственноручно возложить его послѣднему на плечи.

– Не поставьте въ вину, ваше превосходительство, что нѣкая яко бы конфузiя учинилась, – лебезилъ онъ: – вышерфченное дѣло по регламенту собственно мнѣ не принадлежитъ; но отъ сего часа я приложу усиленное старанiе...

– Schon gut, schon gut, Herr Confusionsrat! – прервалъ его извинительную рѣчь академикъ и, поднявъ на него глаза, спросилъ съ тонкой улыбкой: – Вы, вѣрно, живете теперь опять не въ Петербургѣ у насъ, а на Олимпѣ?

– Именно-съ, на Олимпѣ у батюшки моего – Аполлона и сестрицъ моихъ – музъ, хе-хе-хе! Компаную пѣснопѣнiе на предстоящее священное бракосочетанiе ея высочества принцессы Анны.

– Ja, ja, lieber Freund, das sieht man wohl. (Да, да, любезный другъ, оно и видно).

При этомъ руки старика протянулись за подаваемыми ему сторожемъ шляпой и палкой. Но сынъ Аполлона съ такою стремительностью завладѣлъ опять тою и другою, что самъ чуть не споткнулся на палку, а шляпу уронилъ на полъ.

– Richtig! (Вѣрно!) – сказалъ академикъ, наклоняясь за шляпой. – Есть поговорка: "Eile mit Weile". Какъ сiе будетъ

по-русски? "Тише ѣдешь..."

– "Дальше будешь", – досказалъ швейцарь. – Правильно-съ, ваше превосходительство. Поспѣшишь – людей на-смѣшишь. Счастливо оставаться.

– Проклятая нѣмчура!.. – проворчалъ Тредіаковскій вслѣдъ уходящему, отирая не первой свѣжести платкомъ выступившій у него на лбу потъ; затѣмъ счелъ нужнымъ сдѣлать внушеніе швейцару: – ты-то, любезный, чего суешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ?

– А ваше благородіе кто просилъ исполнять швейцарскую службу? – огрызнулся тотъ.

– Церберъ, какъ есть треглавый Церберъ! А тебѣ тутъ что нужно? – еще грубѣе напустился Тредіаковскій на замѣченнаго имъ только теперь молодого ливрейнаго лакея, который былъ, очевидно, свидѣтелемъ его двойного афронта.

– Я съ письмомъ къ вашему благородію, – отвѣчалъ, выступая впередъ, Самсоновъ и подаль ему письмо.

Сорвавъ конвертъ, Василій Кирилловичъ сталъ читать. Почеркъ писавшаго былъ, должно быть, не очень-то разборчивъ, потому что читающій процѣдилъ сквозь зубы:

– Эко нацарапано!

Пока онъ разбиралъ "нацарапанное", Самсоновъ имѣлъ достаточно времени разглядѣть его самого. Тредіаковскому было тогда 36 лѣтъ; но по лунообразному облику его лица съ двойнымъ подбородкомъ и порядочному уже брюшку ему смѣло можно было дать всѣ 40. Бритва, повидимому,

нѣсколько дней уже не касалась его щекъ; волосатая бородавка на лѣвой щекѣ еще менѣе служила къ его украшенію. На головѣ его хотя и красовался, по требованіямъ времени, парикъ съ чернымъ кошелькомъ на затылкѣ, но мукою онъ былъ посыпанъ, вѣроятно, еще наканунѣ, а то и два дня назадъ: только тамъ да сямъ сохранились еще слипшіеся отъ сала клочки муки и придавали владѣльцу парика какъ бы лысый видъ.

"Ровно молюю поѣдень", невольно напросилось Самсонову сравненіе.

Разобравъ наконецъ письмо, Василій Кирилловичъ воззрился на посланца.

— Это который же Шуваловъ? — спросилъ онъ. — Меньшой?

— Такъ точно: Петръ Ивановичъ; они оба камеръ-юнкерами у цесаревны.

— Знаю! А у кого, oprичъ цесаревны, онъ еще содержимъ въ особливой аттенціи?

— Кто ему доброхотствуетъ? Да вотъ первый министръ Артемій Петровичъ Волынскій къ нему, кажися, тоже благорасположенъ.

Тредіаковскій поморщился и потянулъ себя двумя перстами за носъ.

— Гмъ, гмъ... Амбара немалое... Мужъ г-нъ Волынскій достопочтенный, великомудрый и у благочестивѣйшей въ большомъ кредитѣ; но... но за всѣмъ тѣмъ отъ его благорас-

положенія можно претерпѣть ущербъ.

"Ты самъ, стало быть, нѣмецкой партіи?" сообразилъ Самсоновъ и добавилъ вслухъ:

— Господинъ мой въ добрыхъ отношеніяхъ также съ гоф-фрейлиной принцессы, баронессой Менгденъ. Еще намеренъ я относить ей коробку ея любимыхъ конфетъ.

— О! онъ съ нею флерлакуритъ? Это мѣняетъ дѣло. Баринъ твой, изволишь видѣть, просить взять тебя въ науку. Всегда великая есть утѣха прилежать къ наукамъ. Онѣ же отвлекаютъ въ юности отъ непорядочнаго житія. Благодарю же Создателя, что направилъ тебя ко мнѣ. До трехъ часовъ дня я занятъ тутъ въ канцеляріи болѣе важной матеріей, по сихъ поръ. (Онъ провелъ рукой надъ переносицей). Съ четвертаго же часа ты можешь застать меня на квартирѣ. Жительствоваю я здѣсь же, въ Академіи, но со двора.

— Покорно благодарю, ваше благородіе; нынче же по вечеру отпрошусь къ вамъ.

— Приходи, приходи, любезный. А господину Шувалову мой всенижайшій поклонъ и привѣтъ.

Солнце еще не сѣло, когда Самсоновъ поднимался по черной лѣстницѣ академическаго зданія въ верхній этажъ, гдѣ Тредіаковскому была отведена скромная квартирка въ одну комнату съ кухней, часть которой была отгорожена для прихожей. Колокольчика у двери не оказалось; пришлось постучаться. Только на многократный и усиленный стукъ впусти-

ль молодого гостя самъ хозяинъ. Въмѣсто форменнаго каф-
тана на немъ былъ теперь засаленный халатъ съ продранны-
ми локтями, а въмѣсто парика — собственная, всклокоченная
шевелюра; въ рукѣ у него было гусиное перо: очевидно онъ
былъ только-что отвлеченъ отъ бесѣды съ сестрицами свои-
ми — музами.

— Прошу прощенья, сударь, — извинился Самсоновъ: — я
никакъ помѣшалъ вамъ...

— Ничего, любезный, — снисходительно кивнулъ ему
Тредіаковскій; — у меня ни часу не пропадаетъ втунѣ; "сагре
diem", сирѣчь "пользуйся днемъ, колико возможно".

— А я думалъ уже, не пошли-ли вы прогуляться, да и при-
слугу отпустили со двора: погода славная...

— "Поютъ птички со синички,

Хвостомъ машутъ к лисички"? —

вѣрно; благораствореніе воздуха. Но нашъ братъ, уче-
ный, бодрость и силу изъ книгъ почерпаетъ. А что до при-
слуги, то таковой я второй годъ ужъ не держу. Была стару-
шенція, да Богу душу отдала. Съ того дня живу какъ перстъ,
самъ себѣ господинъ и слуга.

Говоря такъ, Василій Кирилловичъ прошелъ въ свою ком-
нату и усѣлся за столъ, безпорядочно заваленный бумагами,
а Самсонову милостиво указалъ на другой стулъ, дырявый,
у стѣны.

— Садись ужъ, садись, да чуръ — съ оглядкой: одна ножка
ненадежна.

— Коли позволите, я вамъ ее исправлю, — вызвался Самсоновъ: — захвачу изъ дому столярнаго клею...

— И благо. Чего озираешься? Не вельможныя палаты. Года три назадъ, еще приватно на мытномъ дворѣ проживающій, погорѣлъ до тла; однѣ книги изъ огня только и вынесъ, омеблементъ и поднесъ еще не обновилъ.

"Омеблементъ", дѣйствительно, былъ очень скуденъ и простъ. Даже письменный столъ былъ тесовый, некрашенный. Единственнымъ украшеніемъ небольшой и низкой комнаты служили двѣ полки книгъ въ прочныхъ, свиной кожи, переплетахъ.

— А развѣ г-нъ совѣтникъ не испросилъ вамъ пожарнаго пособія? — замѣтилъ Самсоновъ.

Василій Кирилловичъ безнадежно махнулъ рукой.

— Станетъ этакій ферфлюхтеръ хлопотать о русскомъ человѣкѣ!

— А на него и управы нѣтъ?

— На Юганна-Данилу Шумахера управа? Га! Этому Зевесу и нѣмцы-академики въ ножки кланяются. Одначе, пора намъ съ тобой и за дѣло. Ты грамотѣ-то сколько-нибудь обученъ?

— Нисколько-съ.

— Какъ? и азбуки не знаешь?

— И азбуки не знаю.

— Эхъ, эхъ! Когда-то мы съ тобой до реторики доберемся.

— А это тоже особая наука?

— Особая и преизрядная; учить она не только красно го-

ворить, но еще чрезъ красоту своего штиля и къ тому слушателей приводить, что они вѣрятъ выговоренному; подаетъ она и искусный способъ получать милости отъ знатныхъ лицъ, содѣя тебя властителемъ надъ человѣческими сердцами.

— Куда ужъ мнѣ заноситься такъ далеко! Дай Богъ сперва хоть научиться простой грамотѣ да цыфири.

— Да, цыфирь, иначе математика, находится тоже въ столь великомъ почетѣ, что изъ оной знать надлежитъ по меньшей мѣрѣ наиспособнѣйшее и наіупотребительнѣйшее — четыре правила ариѳметики. Нынѣ же начнемъ съ первыхъ азовъ родной рѣчи. Принцъ Антонъ-Ульрихъ, при пріѣздѣ шесть лѣтъ тому въ Питеръ, не зналъ по-русски и въ зубъ толкнуть. Мнѣ выпало тогда счастье обучать его какъ нашему языку, такъ равно и россійской грамотѣ. Начерталь я для его свѣтлости наши литеры и каллиграфныя прописи. Теперь оныя и для тебя пригодятся: честь, братецъ, немалая.

Съ этими словами Тредіаковскій досталь съ полки переплетенную тетрадь, гдѣ въ началѣ была имъ "начертана" крупнымъ шрифтомъ русская азбука, а далѣе — прописи. Такъ какъ его первый ученикъ, принцъ брауншвейгскій, прибывъ въ Россію на 20-мъ году жизни, умѣлъ уже, конечно, и читать, и писать по-нѣмецки, то учителю не было надобности обучать его русскимъ буквамъ и складамъ по тогдашнему стародавнему способу: "Азъ, Буки — Аб", "Буки, Азъ — Ба" и т. д. Выговариваль Василій Кирилловичъ русскія буквы по-нѣмецки: "А, Бе". Къ этому упрощенному приему об-

ратился онъ и съ своимъ новымъ ученикомъ и быть пріятно пораженъ, съ какою быстротою и легкостью тотъ схватывалъ первоначальную книжную мудрость.

— О! да этакъ у тебя и чтеніе скоро пойдетъ какъ по маслу, — сказалъ онъ. — Вотъ постой-ка, есть у меня тутъ нѣкая торжественная пѣснь: еще въ бытность мою въ Гамбургѣ сочинена мною на коронацію нашей благовѣрной государыни императрицы. Самъ я буду читать, а ты только слѣди за мной.

И, развернувъ на столѣ передъ ученикомъ большой пергаментный листъ, онъ сталъ, не торопясь, но съ должнымъ паѳосомъ, считывать съ листа свою "пѣснь", водя по печатнымъ строкамъ ногтемъ:

— "Да здравствуетъ днесъ Императриксъ Анна
На престолъ сѣдша Увѣнчанна"...

— "Императриксъ" — это что же? — спросилъ Самсоновъ. — Императрица?

— Ну да; но по-латыни.

— А зачѣмъ же было не сказать то же по-русски?

— Высокая, братецъ, матерія требуетъ и штиля высокаго. Для тебя сіе, я вижу, еще тарабарщина. Прочитаю-ка тебѣ нѣчто болѣе доступное, — про грозу въ Гаагѣ, городѣ голландскомъ: самъ ее испытавши, тогда жъ и воспѣлъ. Слушай.

И Самсоновъ услышалъ, какъ "набѣгли тучи, воду несучи... Молніи сверкають, страхомъ поражаютъ, трескъ въ лѣсу съ Перуна, и темнѣетъ Луна... Всѣ животны рыщутъ, покою не сыщутъ; біють себя въ груди виноваты люди... руки

воздѣвають, на небо глашаютъ."

Голось чтеца гремѣль, очи метали молніи. И вдругъ изъ тѣхъ же очей свѣтлый лучъ, а изъ устъ медовые звуки: "О, солнце красно! Стань опять ясно, разжени тучи, слезы горючи... А вы, Аквилоны, будьте какъ и оны; лютость отложите, только прохладите... Дни намъ надо красны, пріятны и ясны."

Неизбалованный слухъ Самсонова ласкало со звучіе римо, а потому на вопросъ: "каковы стихи?" – онъ отвѣчалъ вполне чистосердечно:

– Превосходны-съ!

Василій Кирилловичъ самодовольно улыбнулся.

– Это, братецъ ты мой, только цвѣточки; а ужъ ягодки у меня!..

"Однако онъ меня своими ягодами, пожалуй, еще обкормить! Хорошаго понемножку," подумаль Самсоновъ и взялся за картузь.

– Ты что жъ это, уже во-свояси? – съ видимымъ сожалѣніемъ спросилъ декламаторъ.

– Да, ваше благородіе, пора. Много вамъ благодарень...

– И есть за что. Сама вѣдь государыня императрица какъ меня цѣнить! До гробовой доски не забуду, какъ пѣль я передъ нею сочиненную мною на голось оду на новый 1733 годъ!

– Сами же и пѣли?

– Собственной персоной. Голосомъ Богъ не обидѣль. Го-

сударыня изволила возлежать въ своемъ креслѣ у пылающаго камина, а я, смиренно проползши отъ порога до ея стопъ на колѣняхъ, въ такой же позитурѣ пѣлъ свою оду; когда жъ допѣлъ, ея величеству благоугодно было державною дланью ударить меня по ланитѣ. Незабвенная оплеушина!.. Ну, прощай, любезный, утѣшилъ ты меня. Завтра, о сю же пору, жду тебя опять неуклонно.

VII. Прогулка по Лѣтнему саду

Нѣсколько дней уже Лилли Врангель провела подѣ кровлей Лѣтняго дворца, но не удостоилась еще представленія императрицѣ. Изъ всѣхъ обоего пола обитателей дворца она болѣе или менѣе сошлась пока только съ нѣмкой мадамъ Варлендъ, которой были поручены главный надзоръ надъ дворцовыми птичниками и дрессировка для государыни разныхъ птицъ. Въ Зимнемъ дворцѣ былъ отведенъ для пернатыхъ, какъ она слышала, особый дворъ; въ Лѣтнемъ же саду имѣлась даже цѣлая «менажерія»: въ одной большой общей клѣткѣ содержались всевозможныя лѣсныя пташки, нѣкоторыя «заморскія» птицы и всякая домашняя; соловьи и орлы сидѣли въ отдѣльныхъ клѣткахъ; точно такъ же отдѣльно помѣщалось и разное мелкое звѣрье: мартышки, сурки и т. п.

Собственно на "птичный" дворъ ни гулявшая въ Лѣтнемъ саду посторонняя публика, ни жильцы Лѣтняго дворца вообще не имѣли доступа. Но для Лилли мадамъ Варлендъ дѣлала изъятіе изъ общаго запрета, такъ какъ дѣвочка съ такимъ неослабнымъ интересомъ относилась къ ея питомцамъ. Чего-чего не узнала отъ нея Лилли! Такъ, напр., что большая клѣтка оставляется на зиму подѣ открытымъ небомъ, но отъ морозовъ и снѣга покрывается войлочнымъ чехломъ; что всего больше хлопотъ и заботъ у мадамъ Варлендъ съ выучкой одного сѣраго, съ краснымъ хохолкомъ, красавца-по-

пугая, который, по приказу государыни, выписанъ нарочно изъ Гамбурга и будетъ подаренъ его свѣтлости, герцогу курляндскому, въ день его рожденія — 13-го ноября; что и русскихъ-то птицъ не такъ легко получать въ желаемомъ количествѣ: хоть бы вотъ купецъ Иванъ Симоновъ подрядился наловить 50 штукъ соловьевъ по 30 коп. за штуку (легко сказать! этакія деньги!), а къ осени надо, во что бы то ни стало, раздобыть еще сотню; про обыкновенныхъ пичугъ: скворцовъ, зябликовъ, щеглятъ, чижей, — и говорить нечего...

— Да на что вамъ, помилуйте, все еще новыхъ да новыхъ птицъ, когда у васъ ихъ здѣсь и безъ того хоть отбавляй? — недоумѣвала Лилли.

— А мало ли ихъ требуется для всѣхъ чиновъ Двора? — отвѣчала мадамъ Варлендъ. — Всякому пріятно получить этакую пѣвунью даромъ. Ну, а потомъ весной въ Благовѣщенье ея величество любить выпускать собственноручно на волю цѣлыя сотни мелкихъ птахъ, да еще...

— Что еще? — не унималась Лилли, когда та, глубоко вздохнувъ, запнулась.

— Государыня до страсти, знаешь, любить стрѣлять птицъ на-лету... Ну, что же дѣлать? Бѣдняжки приносятъ свою жизнь, такъ сказать, на алтарь отечества! А не хочешь ли, дитя мое, разъ прогуляться? Вѣдь ты не видѣла еще всѣхъ здѣшнихъ диковинъ?

Тогдашній Лѣтній садъ состоялъ изъ трехъ отдѣльных садовъ: первые два занимали ту самую площадь между Фон-

танкой и Царицынымъ Лугомъ, что и нынѣшній Лѣтній садъ; третій же, какъ ихъ продолженіе, находился тамъ, гдѣ теперь инженерный замокъ съ его садомъ. Диковины первыхъ двухъ садовъ были слѣдующія: свинцовыя "фигуры" изъ "Езоповыхъ фабулъ," "большой" гротъ съ органомъ, издававшимъ звуки посредствомъ проведенной въ него изъ пруда воды; "малый " гротъ и "маленькіе гротцы", затейливо убранные разноцвѣтными раковинами, два пруда: "большой" – съ лебедями, гусями, утками, журавлями и чапурами (цаплями), и "прудь карпиевъ", гдѣ можно было кормить рыбъ хлѣбомъ; оранжереи и теплицы; затѣмъ еще разныя "огибныя" и "крытыя" дорожки, увитыя зеленью бесѣдки и проч.

Третій садъ былъ предназначенъ не для гулянья, а для хозяйственныхъ цѣлей: часть его была засажена фруктовыми деревьями и ягодными кустами, а другая раскопана подъ огородныя овощи.

Только-что Лилли съ мадамъ Варлендъ вышли на окружающую дорогу, отдѣлявшую второй садъ отъ третьяго, какъ вдали показались два бѣгущихъ скорохода, а за ними экипажъ.

– Государыня! – вскрикнула Варлендъ и, схвативъ Лилли за руку, повлекла ее въ ближайшую бесѣдку.

– Да для чего намъ прятаться? – спросила Лилли. – Я государыню до сихъ поръ вѣдь даже не имѣла случая видѣть...

– Когда ея величество недомогаетъ, то лучше не попадаться ей на глаза. Сегодня она дѣлаетъ хоть опять прогулку въ экипажѣ – и то слава Богу. Сейчас онѣ пройдутъ... ч-ш-ш-

ш!

Обѣ притаились. Вотъ пролетѣли мимо, какъ вѣтеръ, скороходы; а вотъ послышался, по убитой пескомъ дорогѣ, мягкій шумъ колесъ и дробный лошадиный топотъ. Сквозь ажурный переплетъ бесѣдки Лилли, сама снаружи невидимая, могла довольно отчетливо разглядѣть проѣзжающихъ: въ небольшой коляскѣ, запряженной парой пони тигровой масти, сидѣли двѣ дамы, изъ которыхъ одна, болѣе пожилая, очень полная и высокая, сама правила лошадами.

— Да это же вовсе не государыня! — усомнилась Лилли, когда экипажъ скрылся изъ виду.

— Какъ же нѣтъ? — возразила Варлендъ. — Та, что правила, и была государыня.

— Не можетъ быть! На ней не было ни золотой короны, ни порфиры...

— Ахъ ты, дитя, дитя! — улыбнулась Варлендъ. — Корона и порфира надѣваются монархами только при самыхъ большихъ торжествахъ.

— Вотъ какъ? А я-то думала... Но кто была съ нею другая дама? У той лицо не то чтобы важнѣе, но, какъ бы сказать?..

— Спесивѣ? Да, ужъ такой спесивицы, какъ герцогиня Биронъ, другой у насъ и не найти. Она воображаетъ себя второй царицей: въ дни пріемовъ у себя дома возсѣдаетъ, какъ на тронѣ, на высокомъ позолоченномъ креслѣ; платье на ней цѣною въ сто тысячъ рублей, а брилліантовъ понавѣшено на цѣлыхъ два милліона. Каждому визитеру она протягиваетъ

не одну руку, а обѣ заразы, и горе тому, кто поцѣлуешь одну только руку!

— Вотъ дура-то!

— Что ты, милая! Развѣ такія вещи говорятся вслухъ?

— А про себя думать можно? — засмѣялась Лилли. — Вы, мадамъ Варлендъ, ее, видно, не очень-то любите?

— Кто ее любить!

— А государыня?

— Государыня держитъ ее около себя больше изъ-за самого герцога. Въ экипажѣ она садитъ ее, конечно, рядомъ съ собой, но въ комнатахъ герцогиня въ присутствіи государыни точно такъ же, какъ и всѣ другіе, не смѣетъ садиться. Изъ статсъ-дамъ одной только старушкѣ графинѣ Чернышевой ея величество дѣлаетъ иногда послабленіе. "Ты, матушка, я вижу, устала стоять?" говорить она ей. "Такъ упрись о столъ; пускай кто-нибудь тебя заслонитъ вмѣсто ширмы, чтобы я тебя не видѣла."

— А изъ другихъ дамъ, кто всего ближе къ государынѣ?

— Да, пожалуй, камерфрау Юшкова.

— Какая же она дама! Вѣдь она, кажется, изъ совсѣмъ простыхъ и была прежде чуть ли не судомойкой?

— Происхожденіе ея, моя милая, надо теперь забыть: Анна Федоровна выдана замужъ за подполковника; значить, она подполковница.

— Однако она до сихъ поръ еще обрѣзаетъ ногти на ногахъ у государыни, да и у всего семейства герцога?

– Господи! Кто тебѣ разболталъ объ этомъ?

– Узнала я это отъ одной камермедхень.

– Отъ которой?

– Позвольте ужъ умолчать. За мою болтовню съ прислугой мнѣ и то довольно уже досталось.

– Отъ принцессы?

– Ай, нѣтъ. Принцесса не скажетъ никому ни одного жесткаго слова. Ей точно лѣнь даже сердиться. Нотацію прочла мнѣ баронесса Юліана: "Съ прислугой надо быть привѣтливой, но такъ, чтобы она это цѣнила, какъ особую милость. Никакой фамиллярности, чтобы не вызвать ее на такое же фамиллярничанье, которое обращается въ нахальство"...

– А что жъ, все это очень вѣрно. Совѣты баронессы Юліаны вообще должны быть для тебя придворнымъ катехизисомъ. Она, конечно, объяснила тебѣ также, какъ вести себя съ государыней?

– О, да. Улыбаться можно, но не ранѣе, какъ только тогда, когда сама государыня улыбнется, а громко смѣяться – Боже упаси! Да мнѣ теперь и не до смѣху; какъ подумаю, что придется тоже представляться государынѣ, такъ у меня душа уходитъ въ пятки. Такъ страшно, такъ ужъ страшно!..

– Да ты и вправду вѣдь дрожишь, какъ маленькая птичка, – замѣтила начальница птичника, нѣжно глядя дѣвочку по спинѣ. – Ну, полно же, полно. Приметь тебя государыня вѣдь не при общемъ пріемѣ, а совсѣмъ приватно, запросто, въ своемъ домашнемъ кругу. Изъ 6-ти статсъ-дамъ будетъ,

вѣроятно, одна только безотлучная герцогиня Биронъ.

— Но герцогиня, сами вы говорите, такая гордячка...

— При государынѣ она и рта не разѣваетъ.

— А оберъ-гофмейстерина?

— Княгиня Голицына? Та послѣ смерти своего мужа-фельдмаршала, вотъ уже девятый годъ, почти не показывается при Дворѣ. Будутъ только фрейлины, да приживалки, да шуты.

— Но скажите мнѣ, пожалуйста, мадамъ Варлендъ (баронессу Юліану я не рѣшилась спросить): для чего государыня окружила себя шутами? Вѣдь есть же болѣе благородныя развлеченія?

— Видишь ли... На всѣ эти куртаги, банкеты, спектакли надо являться въ корсажѣ, фижмахъ, букляхъ, надо самой вести придворные разговоры. Не такъ давно еще не проходило вѣдь дня безъ какихъ-либо празднествъ; завели итальянскую оперу, нѣмецкую трагедію... Герцогъ выписалъ нарочно нѣмецкую труппу изъ Лейпцига. И что за роскошь была въ нарядахъ! Никто не смѣлъ пріѣзжать ко Двору второй разъ въ одномъ и томъ же платьѣ. На нарядахъ многіе даже до тла раззорялись, влѣзали по уши въ долги. Но вотъ съ тѣхъ поръ, что государыня чувствуетъ себя такъ плохо, всѣ эти официальные выходы слишкомъ ее утомляютъ, и она почти не показывается изъ своихъ апартаментовъ. Тамъ фрейлины развлекаютъ ее народными пѣснями, приживалки — рассказами о привидѣніяхъ и разбойникахъ, а шуты — своими глу-

постыями. Изъ шутовъ, сказать между нами, одинъ только можетъ назваться человекомъ: это Балакиревъ, который былъ шутомъ еще у царя Петра.

— Но есть вѣдь между ними, кажется, и титулованные?

— Есть-то есть: два князя и одинъ графъ...

— Но какъ тѣ-то рѣшились сдѣлаться шутами?

— Не по своей охотѣ, конечно, а разжалованы въ шуты, — одинъ изъ-за своей жены, интригантки, а два другихъ за то, что тайнымъ образомъ перешли въ католичество: государыня вѣдь очень набожна и крѣпко держится своего православія.

— Мнѣ называли еще какого-то любимца государыни Педрилло?

— Ну, этотъ неаполитанецъ не столько шутъ, какъ мошенникъ. Зовутъ его собственно Піетро Мира; былъ онъ у насъ сперва пѣвцомъ буффъ въ итальянской оперѣ и скрипачомъ въ оркестрѣ; но своими забавными дурачествами сумѣлъ снискать расположеніе государыни, и она сдѣлала его своимъ придворнымъ шутомъ. Теперь онъ исполняетъ всякія порученія ея величества, гдѣ можетъ извлечь для себя пользу, играетъ за нее въ карты, а выигрышъ кладетъ себѣ въ карманъ. Для него да еще для другого шута изъ португальскихъ жидовъ, Яна д'Акоста, тоже изряднаго плута, учрежденъ даже особый шутовской орденъ — святого Бенедетто.

— А кромѣ шутовъ, у государыни есть вѣдь и шутихи?

— Ну, тѣ просто безобидныя болтушки. Съ одной, впроче-

мъ, милая, будь осторожна – съ карлицей-калмычкой: у нея бывають и презлыя шутки.

– Я слышала, кажется, ея имя: Буженинова.

– Вотъ, вотъ. Крещена она Авдотьей, прозвище же Буженинова ей дано за то, что любимое ея кушанье – буженина, вареная свинина съ лукомъ и перцомъ.

– Но, что до меня, то я не могла бы проводить цѣлые дни въ обществѣ дураковъ и дурь!

– Бога ради, моя милая, не высказывайся только такъ откровенно при другихъ! Тебя не сдѣлають тогда не только фрейлиной принцессы, но и камеръ-юнгферой.

– Да мнѣ все равно, чѣмъ бы ни быть, хоть камермедхень, лишь бы поскорѣй! А то висишь на воздухѣ между небомъ и землей...

Желаніе дѣвочки исполнилось уже на слѣдующее утро.

VIII. Анна Іоанновна въ домашнемъ быту

Когда дежурный камеръ-юнкеръ съ низкимъ поклономъ пропустилъ Анну Леопольдовну и сопровождавшихъ ее Юліану и Лилли въ царскіе покои, — навстрѣчу оттуда имъ неслись звонкіе переливы женскаго хора. Когда же онѣ переступили порогъ той комнаты, гдѣ пѣлъ хоръ, пѣніе было властно прервано не женски-густымъ голосомъ:

— Будеть, дѣвки! Пошли вонъ!

Пѣвицы-фрейлины, смолкнувъ, послушно удалились въ смежную комнату. Властный голосъ принадлежалъ сидѣвшей у открытаго въ садъ окна, пожилой дамѣ. Если бы Лилли даже и не видѣла ее мелькомъ наканунѣ проѣзжающею въ экипажѣ, то уже потому, что изъ всѣхъ присутствующихъ она одна только сидѣла, у нея не оставалось бы сомнѣнія, что то сама императрица.

Въ 1724 году голштинскій камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, будучи въ Митавѣ у двора Анны Іоанновны (тогда еще герцогини курляндской), описывалъ ее такъ:

"Герцогиня — женщина живая и пріятная, хорошо сложена, недурна собой и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней почтеніе".

За пятнадцать лѣтъ, однако, внѣшность ея сильно измѣнилась. Необычайная дородность, особенно поражавшая въ

утреннемъ свѣтлолюбомъ капотѣ, при отсутствіи корсета; головной уборъ – красный платокъ, рѣзко выдѣлявшій смуглость лица, и всего болѣе долговременная болѣзненность дѣлали ее на видъ значительно старше ея 46-ти лѣтъ... Брови она еще красила, но румяниться и бѣлиться уже перестала, и, вмѣсто воды и мыла, употребляла для очищенія кожи только топленое масло, отъ чего цвѣтъ ея кожи казался еще смуглѣе. Выпуклые, широко-разставленные глаза будто опухли и были окаймлены темными кругами; углы рта были страдальчески опущены.

При появленіи любимой племянницы, впрочемъ, хмурья черты императрицы нѣсколько прояснились. Еще болѣе обрadowалась лежавшая у ея ногъ левретка: съ веселымъ лаемъ она вскочила съ своей вышитой подушки и, виляя хвостомъ, подбѣжала къ принцессѣ. (Въ скобкахъ замѣтимъ, одному изъ титулованныхъ шутовъ, бывшему камергеру, было поручено кормить эту собачку и приносить ей каждый день отъ "кухеншрейбера" кринку сливокъ).

– Здравствуй, Цытринька, здравствуй! – поздоровалась Анна Леопольдовна съ собачкой; затѣмъ, подойдя къ своей царственной теткѣ, пожелала ей добраго утра, поцѣловала руку и тутъ же представила ей Лилли:

– Вотъ, ваше величество, моя маленькая фаворитка.

Государыня взоромъ знатока оглядѣла снизу вверхъ стройную, гибкую фигуру дѣвочки.

– Молодая березка! А я вѣдь и то думала, что ты еще коро-

тышка. Недотрога какая! По щекѣ даже не смѣй потрепать. А щечки-то какія алыя! На алый цвѣтокъ летитъ и мотылекъ.

"Ну, ужъ мотылекъ!" вспомнила Лилли про Бирона, но на словахъ этого, конечно, не выразила, а только пуще зардѣлась.

— Ну, Богъ проститъ, — милостиво продолжала императрица. — Ты вѣдь хоть и нѣмка, а говоришь тоже по-нашему?

Сама Анна Іоанновна, не смотря на то, что цѣлыхъ двадцать лѣтъ провела въ Курляндіи, все еще не освоилась хорошенько съ нѣмецкою рѣчью, а потому попрежнему предпочитала русскій языкъ.

— Говорю, ваше величество, отвѣчала, — ободрившись, Лилли. — Я родилась въ Тамбовской губерніи...

— О! да у тебя и выговоръ-то совсѣмъ русскій, чище еще, чѣмъ у покойной сестрицы. Можетъ, ты и русскія пѣсни пѣть умѣешь?

Лилли замялась. Мало-ли распѣвала она въ дѣтствѣ разныхъ пѣсень съ своими сверстницами, дворовыми дѣвчонками! Но государыня, чего добраго, прикажетъ ей еще пѣть сейчасъ при всѣхъ...

— Ну, что же молчишь? Отвѣчай! — шепнула ей сзади по-нѣмецки Юліана.

— Простите, ваше величество, — пролепетала Лилли: — у меня хриплый голосъ...

— Ну, тогда тебѣ цѣна грошъ.

Юліана, имѣвшая уже случай слышать, какъ звонко Лил-

ли заливается въ своей комнаткѣ, не хотѣла обличить ее въ явной лжи, но сочла все таки полезнымъ пристыдить ее немножко и доложила государынѣ, что дѣвочка зато мастерица ѣздить верхомъ, даже безъ сѣдла, какъ деревенскія дѣти.

— Скажите, пожалуйста! — улыбнулась Анна Іоанновна. — Ну, когда-нибудь посмотримъ у насъ въ манежѣ, непременно посмотримъ.

Въ это время въ саду закаркала громко ворона.

— Проклятое вороньё! — проворчала государыня и выглянула въ окно. — Такъ и есть: опять надъ моимъ окномъ! Точно имъ и другого мѣста нѣтъ. Подайте-ка мнѣ ружье!

— О, mein Gott! — послышался сдавленный вздохъ изъ устъ стоявшей около царскаго кресла придворной дамы.

Не смѣя до сихъ поръ отвести глазъ отъ императрицы, Лилли только теперь взглянула на эту барыню, въ которой тотчасъ узнала вчерашнюю спутницу государыни, герцогиню Биронъ. Небольшого роста, но съ пышнымъ бюстомъ, 36-ти лѣтняя герцогиня была бы и лицомъ, пожалуй, даже недурна, не будь ея кожа испорчена оспой, не напускай она на себя чрезмѣрной важности и не имѣй она, кромѣ того, непохвальной привычки то-и-дѣло приподнимать брови, — что придавало ея самимъ по себѣ правильнымъ чертамъ выраженіе пугливаго высокомерія.

— Какъ это ты, Бенигна, не привыкаешь на конецъ къ выстрѣламъ? — замѣтила ей Анна Іоанновна. — Ну, да Господь

съ тобой! Дайте мнѣ лукъ и стрѣлы.

— *Essolo, madre mia!* Вотъ тебѣ мой самострѣль, — подско-
чилъ къ ней вертлявый, черномазый субъектъ, въ которомъ,
и безъ шутовскаго наряда, не трудно было узнать любимца
царицы Педрилло по его звучному итальянскому говору и,
казалось, намѣренному даже искаженію русской рѣчи (что
мы, однако, не беремся воспроизвести). — Но, чуръ, не про-
махнись.

— Кто? я промахнусь? Ни въ жизнь!

— А вотъ побьемся объ закладъ: какъ промахнешься, такъ
подаришь мнѣ за то золотой. Хорошо?

— Хорошо.

Натянувъ самострѣль, государыня, почти не цѣлясь, спу-
стила стрѣлу. Въ тотъ же мигъ ворона, пронзенная стрѣлой,
слетѣла кувыркомъ внизъ, цѣпляясь крыльями за древесныя
вѣтви, и шлепнулась замертво на земь.

— *Per Dio!* — изумился Педрилло и съ заискивающею без-
застѣнчивостью неаполитанскаго лаццарони протянулъ ла-
донь:

— *Ebbene, made, una piccola moneta.*

— Это за что, дуракъ?

— Да мнѣ ночью приснилось, что ты все же подарила мнѣ
золотой, и я положилъ его уже себѣ въ карманъ.

— Такъ можешь оставить его у себя въ карманѣ.

Неаполитанецъ почесалъ себѣ ногою за ухомъ, а товарищи
его разразились злораднымъ хохотомъ.

Тутъ вошедшій камеръ-юнкеръ доложилъ, что кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Волинскій усерднѣйше просить ея величество удостоить воззрѣніемъ нѣкій спѣшный докладъ.

Анна Іоанновна досадливо насупилась.

— Скажи, что мнѣ недосужно. Вѣчно вѣдь не впопадъ!

— А то, матушка-государыня, велѣла бы ты спросить его: гдѣ бѣлая галка? — предложилъ одинъ изъ шутовъ.

— Какая бѣлая галка?

— Да какъ же: еще на запрошлой масляницѣ, помнишь, повелѣла ты доставить въ твою менажерію бѣлую галку, что проявилась въ Твери. Ну, такъ доколѣ онъ ее не представитъ, дотолѣ ты и не допускай его предъ свои пресвѣтлыя очи.

Государыня усмѣхнулась.

— А что жъ, пожалуй, такъ ему и скажи.

Камеръ-юнкеръ вышелъ, но минутою спустя опять возвратился съ отвѣтомъ, что, по распоряженію его высокопревосходительства Артемія Петровича, тогда-же было писано тверскому воеводѣ Кирѣевскому, дабы для поимки той бѣлой галки съ присланными изъ Москвы помытчиками было безъ промедленія отправлено потребное число солдатъ, сотскихъ, пятидесятскихъ; что во всеобщее свѣдѣніе о всемѣрномъ содѣйствіи было равномѣрно въ пристойныхъ мѣстахъ неоднократно опубликовано и во всѣ города Тверской провинціи указы посланы; но что съ тѣхъ поръ той бѣлой галки никто такъ уже и не видѣлъ.

– Пускай пошлетъ сейчасъ, кому слѣдуетъ, подтвердительные указы, – произнесла Анна Іоанновна съ рѣзкою рѣшительностью.

Не отходявшая отъ ея кресла герцогиня Биронъ, наклонясь къ ней, шепнула ей что-то на ухо.

– Нм, ја, – согласилась государыня и добавила къ сказанному: – буде-же у Артемія Петровича есть и въ самомъ дѣлѣ нѣчто очень важное, то можетъ передать его свѣтлости господину герцогу для личнаго мнѣ доклада.

Камеръ-юнкеръ откланялся и вновь уже не возвращался.

Между тѣмъ къ императрицѣ подошла камерфрау Анна Федоровна Юшкова и налила изъ склянки въ столовую ложку какой-то бурой жидкости.

– Да ты, Федоровна, своей бурдой въ конецъ уморить меня хочешь? – сказала Анна Іоанновна, впередъ уже морщась.

– Помилуй, голубушка государыня! – отвѣчала Юшкова. – Самъ вѣдь лейбъ-медикъ твой Фишеръ прописаль: черезъ два часа, моль, по столовой ложкѣ. Выкушай ложечку, сдѣлай ужъ такую милость!

– Да вотъ португалець-то, докторъ Санхець, прописаль совсѣмъ другое.

– А ты его, вертопраха, не слушай. Степенный нѣмецъ, матушка, куда вѣрнѣе. Ты не смотри, что на видъ будто невкусно; вѣдь это лакрица, а лакрица, что медъ, сладка.

– Сласти, Федоровна, для дѣвокъ да подростковъ, а въ наши годы-то что тѣлу полезительнѣй.

– Да чего ужъ полезительнѣй лакрицы? Пей, родная, на здоровье!

– Дай-ка я за матушку нашу выпью, – вызвалась тутъ Буженинова, карлица-калмычка, и, разинувъ ротъ до ушей, потянулась къ подносимой царицѣ ложкѣ.

Но подкравшійся къ ней шутъ д'Акоста подтолкнулъ ложку снизу, и все ея содержимое брызнуло въ лицо карлицѣ.

Новый взрывъ хохота царицыныхъ потѣшниковъ. Не смѣялся одинъ лишь Балакиревъ.

– Ты что это, Емельянычъ, надулся, что мышъ на крупу? – отнеслась къ нему государыня.

– Раздумываю, матушка, о негожествѣ потѣхъ человѣческихъ, – былъ отвѣтъ.

– Умень ужъ больно! вскинулся д'Акоста. – Смѣяться ему, вишь, на дураковъ не пристало. Словно и думать не умѣютъ!

– Умный начинаетъ думать тамъ, гдѣ дуракъ кончается.

– Oïbo! возмутился за д'Акосту Педрилло. – Скажи лучше, что завидно на насъ съ нимъ: не имѣешь еще нашего ордена Бенедетто.

– Куда ужъ намъ, русакамъ! Спасибо блаженной памяти царю Петру Алексѣевичу, что начальникомъ меня хоть надъ мухами поставилъ.

– Надъ мухами? – переспросила Анна Иоанновна. – Расскажи-ка, Емельянычъ, какъ то-было.

– Расскажу тебѣ, матушка, изволь. Случалось мнѣ нѣкоего вельможу (имени его не стану наименовать) не однажды

отъ гнѣва царскаго спасать. Ну, другой меня, за то уважилъ бы, какъ подобаеть знатной персонѣ; а онъ, вишь, по скаредности, и рубля пожалѣлъ. Видить тутъ государь, что я приунылъ, и вопрошаетъ точно такъ-же, какъ вотъ ты, сейчасъ, матушка:

"— Отчего ты, Емельянычъ, молю, не весель, головушку повѣсилъ?"

"— Да какъ мнѣ, — говорю, — веселымъ быть, Алексѣичъ: не взирая на весь твой фаворъ, нѣтъ мнѣ отъ людей уваженія, а нѣтъ уваженія оттого, что всѣхъ, кто тебѣ служить вѣрой и правдой, ты жалуешь своей царской милостью: кого крестомъ, кого чиномъ, кого мѣстомъ, а меня вотъ за всю мою службу хоть бы разъ чѣмъ наградилъ.

"— Чего-жъ ты самъ желаешь?" спрашиваетъ государь.

"Взялъ я тутъ смѣлость, говорю:

"— Такъ и такъ, молю, батюшка: поставь ты меня начальникомъ надъ мухами.

"Разсмѣялся государь:

"— Ишь, что надумалъ! Въ какомъ разумѣ сіе понимать должно?"

"— А въ такомъ, говорю, — и понимать, что по указу твоему дается мнѣ полная мочь бить мухъ гдѣ только самъ вздумаю, и никто меня за то не смѣлъ-бы призвать къ отвѣту.

"— Будь по сему, говоритъ, — дамъ я тебѣ такой указъ.

"И своеручно написалъ мнѣ указъ.

"Долго-ли, коротко-ли, задалъ тотъ самый вельможа его

царскому величеству пирь зазвонистый, по-нонѣшнему – банкетъ. Пошла гульба да бражничанье; употчивались гости – лучше не надо. Я же, оставшись въ прежнемъ градусѣ, хватъ изъ кармана добрую плетку и давай бить на столѣ покла, стаканы да рюмки, а посуда-то вся дорогая, хрустала богемскаго. Ну, хозяйинъ, знамо, ошалѣлъ, осатанѣлъ, съ немалымъ крикомъ велѣлъ своимъ холопьямъ взять меня, раба божья, и вытолкать вонъ. Приступили они ко мнѣ – рать цѣлая, дванадесять тысячъ. А я учливымъ образомъ кажу имъ пергаментный листъ за собственнымъ царскимъ подписомъ:

"– Вотъ, молю, царевъ указъ, коимъ я надъ мухами начальникомъ поставленъ; а исполнять царскую службу я за долгъ святой полагаю.

"Отступились тѣ отъ меня, гости кругомъ хохочутъ-заливаются, а я съ плеткой моей добираюсь уже до самого хозяина. Пришелъ онъ тутъ въ конфузiю, затянулъ Лазаря:

"– Ахъ, Иванъ Емельянычъ! такой ты, молю, да сякой, есть за мной тебѣ еще малый должокъ...

"– Денегъ твоихъ, батюшка, теперь мнѣ уже не надо, – говорю: – дорого яичко къ Христову дню".

– Умно и красно, похвалила Анна Иоанновна рассказчика. – Могъ-бы ты, Емельянычъ, и мнѣ тоже иной разъ умнымъ словомъ промолвиться.

– Молвиль-бы я, матушка, словечко, да волкъ недалеко, отвѣчалъ Балакиревъ, косясь исподлобья на супругу временщика.

Сама герцогиня Бенигна, плохо понимавшая по-русски, видимо, не поняла намека. Царица же сдвинула брови и про-
бормотала:

— Экая жарница... Квасу!

— Эй, Квасникъ! не слышишь, что-ли? — крикнуло
нѣсколько голосовъ старичку въ дурацкомъ колпакѣ, сидѣв-
шему въ отдаленномъ углу въ корзи́нѣ.

Въ отвѣтъ тотъ закудахталъ по-куриному.

Быль то отпрыскъ стариннаго княжескаго рода, разжало-
ванный въ шуты (какъ уже раньше упомянуто) за ренегат-
ство. Главная его обязанность состояла въ томъ, чтобы по-
давать царицѣ квасъ, за что ему и было присвоено прозвище
"Квасникъ". Въ остальное время онъ долженъ былъ сидѣть
"насѣдкой" въ своемъ "лукошкѣ" и высиживать подложен-
ный подъ него десятокъ куриныхъ яицъ.

Не успѣлъ, однако, князь-Квасникъ выбраться изъ своего
лукошка, какъ Педрилло, подскочивъ, опрокинулъ лукош-
ко и покати́лъ его, вмѣстѣ съ "насѣдкой", по полу. Тутъ по-
доспѣли и другіе потѣшники, стали, смѣясь, валить другъ
другу въ одну кучу, а еще другіе взялись за музыкальные
инструменты: трубу, тромбонъ, бубень, — и комната огла-
силась такимъ человѣческимъ гамомъ и музыкальной како-
фоніей, что хоть святыхъ вонъ выноси. Мало того: царицы-
на левретка Цытринька не хотѣла, видно, также отстать отъ
другихъ и разлаялась во все свое собачье горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.